ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО

ВОЛЬНОЕ КОЗАЩТВО

10 NOVEMBRE 1935. **LES COSAQUES LIBRES** VIII[e] ANNEE

186

10 НОЯБРЯ 1935 г. 10 ЛИСТОПАДА 1935 р.

ПАРИЖ **PARIS**

ГОД ИЗДАНИЯ 8-й РІК ВИДАННЯ 8-ий

Ю. Гинтон

Содержание:

1. **И. К. Скубани:** Казак Нехай.
2. **И. К. Скубани:** Журавли.
3. **Иван Назаров:** ***
4. **Сергей Чепурной:** Осень.

---

5. Алексей Иванович Кулабухов.
6. Трагедия Казачества.
7. **Николай Посохов:** Путями предков.
8. **Чужинец:** Донские казаки и земство в 1878 году.
9. **Павел Поляков:** Хлестаковщина.
10. Казачья эмиграция.
11. В Граббевском лагере.

Почтовый ящик:

Мондевиль. К. Л. — Получено. Будет помещено в следующем номере. Привет.
Берлин. Г. К. — Ответ — письмом. Привет.
Београд. Н. Б. — Ответ — письмом. Привет.
Варшава. С. Б. — Получено. Ответ послан. Привет.
Луцк. Ф. Ш. — Ответ послан. Привет.
Бразилия. И. Г. — Ответ послан. Привет.
Пловдив. И. Ц. — Ответ скоро получите. Привет.
Германия. С. Ф. — Письмо ваше получено. Очень жаль, что в казачьей среде есть такие люди. Нам такие не нужны. Не стоит он и того, чтобы о нем писать в журнале. Хватит с него и того, что он получил от Вас. Привет.
Монтсо. А. Щ. — Получено. Спасибо. Привет.
Ромашкивка. О. Д. Ч. — Дякую. Журнал посилається. Вітаю.
Воломин. Г. Р. — Будет посылаться. Привет.
Клевеляндіа. С. С. — Добре. Вітаю.
Варна. Л. Б. — Исполнено. Привет.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Всех обращающихся с тем или иным вопросом в редакцию «ВК» просим всегда разборчиво писать свой адрес, т. к. были случаи, когда из-за того, что мы не смогли разобрать тот или иной адрес, происходили излишние недоразумения.

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ.

Непринятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Редакция не входит в переписку по поводу непринятых к напечатанию рукописей.

ПАРИЖСКАЯ ВК ИМЕНИ А. И. КУЛАБУХОВА СТАНИЦА
17 ноября в 3 часа дня (15 ч.) в помещении кафе: 27, Бульвар Ля Тур Мобур
устраивает собрание, посвященное памяти
АЛЕКСЕЯ ИВАНОВИЧА КУЛАБУХОВА.
Слово, посвященное памяти покойного, скажет Пох. Атаман И. А. Билый.

Парижская В К имени А. И. Кулабухова станица в ближайшее время устроит собрание, на котором Походный Атаман ВК инж. И. А. Билый сделает доклад на тему:
Внешняя политика Дона и Кубани в 1917-1920 годах и задачи внешней политики Казачества в настоящее время
Место, день и час этого собрания будут сообщены дополнительно.

Казачья — Наша цель

ВОЛЬНОЕ КОЗАЧТВО

ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО

Наш девиз — Казачья воля

LES COSAQUES LIBRES

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический

Revue bi-mensuelle littéraire et politique

Редактор-издатель: инж. И. А. Билый

Редакция и администрация: 10, Rue Victorien Sardou, Paris (16)

№ 186 *Воскресенье 10 ноября 1935. — Неділя 10 листопада 1935.* № 186

И. К. Скубани

КАЗАК НЕХАЙ

(Рассказ для детей старшего возраста, над которым не мешает задуматься и взрослым).

Жил в станице казак Павло, по прозванью «Нехай».

Человек он был хозяйственный, разумный, но имел один недостаток: не хватало у него сильного характера и решительности. Всякие перемены в хозяйстве у Павла делались не так просто, как у других, — у него это было целым событием. Утром Павло поговорит с женою, почешет затылок, почмокает губами, помечтает. Вечером выйдет на улицу, — там, на сложенных под плетнем бревнах, приготовленных для новой хаты, собираются соседи Павла побалакать о том, о сем, да покурить душистую цыгарку из крепкого доморощенного «дюбека». «Нехай» расскажет о своей выдумке. Хорошая мысль встретит одобрения. — «В добрый час, куме! Зроби ти, а ми побачимо, чи гарно воно буде, тоді й собі зробимо». А Павло даже руками замашет. — «Эге, скажет, — хіба-ж я дурний, щоб перший в станиці зробив таке діло? Ні, нехай инші починають, а я подивлюсь, що с того вийде». И исполнение задуманного надолго затормозится...

И вот так всегда: все выжидал «Нехай» да наблюдал, пряча в усах хитрую усмешку. «Ну, ну, нехай зроблять, а я побачу, та й собі...»

Настали смутные дни для Кубани. Нависли над нею кровавые тучи чужой революции и разразились они ужасною войной. Забурлило, зашумело Казачество. Всякий, кто мог держать в руках винтовку, устремился навстречу наступавшему злодею. Даже бабы и девчата с вилами и рогачами повыходили на околицы станиц... Только казак Павло равнодушно выслушал весть о приближении красной нечисти и на упреки жены досадливо отмахнулся, как от назойливой мухи:

— Нехай инші йдуть, а я побачу, хто кого поб'є. Не буду наперед лізти. Та й чого битись з москалями, хіба-ж вони для мене не брати, не такі-ж люде-християни?...

И не пошел Павло защищать славу дедов своих и оборонять Казачью Волю, так недавно вырванную из цепких когтей северного Кащея...

События быстро развивались. Большевики, сбив передовые цепи, занимали станицу.

На улицах шел ожесточенный бой. Хаты горели. С безумным плачем, под градом пуль, бежали дети и женщины. Ревела взбесившаяся от страха скотина... Казаки бились за свой Край, за родимую кормилицу степь, за право остаться казаками.

— Чоловіче, годі тобі сидіти, йди боронити станицю!.. плакала Павлова жинка. Но Павло и теперь медлил:

— Нехай, до нашої хати ще далеко, а поки дійдуть, то може перестануть і битися. Не звірюки-ж ті москалі, а люди-християни...

Пока он рассуждал, «люди-християни» ворвались в его двор, вывели из конюшни лошадей, зарезали корову, убили «сірка», грозно зарычавшего на гостей, и располосовали Павлову жинку, пытавшуюся защитить свое добро от насильников.

Тут только увидел Нехай, что дело это совсем не шуточное, схватился за ружье, да было поздно, — подкравшийся сзади «брат» ударом штыка пронзил казачью грудь.

Слабо вскрикнув, Павло грузно опустился на землю. В уголках его рта, из под обвисших длинных усов, показались алые струйки, зубы стиснулись, прикусив губу, и на веки закрылись потух-

шие очи, уронив на бледные щеки две крупных слезы...

Умер Нехай. Загубили Павлову душу «браты-москали», против которых он не решался поднять руку. Погиб и Край, его взростивший и ожидавший от него, так напрасно, сыновней защиты...

А сколько было таких Павлов среди Казачества! Многие из них, влекомые волной отступавших бойцов за Волю и Долю Казачью, ушли за пределы своей многострадальной Родины и тут, забыв кошмарные дни недавнего прошлаго, снова льнут к «братам-москалям» — «бо вони такі-ж люди-христіяни», снова выжидают чего-то и безучастно наблюдают за титанической борьбой Вольного Казачества со своими врагами. Видят, с каким сверхчеловеческим напряжением происходит эта схватка, как, из сил выбиваясь, защитники Казачьей Свободы зовуть их в свои ряды и... медлят:

— Ще трохи почекаємо. Нехай побачимо, який буде кінець»...

«Нехаи» верны себе и до сих пор.

Какова же будет судьба их?

И. К. Скубани

ЖУРАВЛИ

Ходят тучи волнами,
Спрятав солнце яркое;
Над полями черными
Грустно ворон каркает.
Осень. В страны южные,
Будто ленты длинные,
Потянулись дружные
Стаи журавлиные.
«Эй, вы, красноногие!
Где с гнездом расстался
И какой дорогою
С севера примчался?
Птицы легкокрылые,
Цепью неразрывною
Вы не плыли-ль, милые,
Над Кубанью дивною?
Не щипали-ль колоса
На степи зеленого,
Не слыхали-ль голоса
Косаря веселого?
Не мочили-ль перышки
Волн кипучих пеною,
Не видали-ль Волюшки,
Сгубленной изменою?
Живы-ль отец-матушка
Не забыли дети-ли?..»
— «Плохо, плохо, братушка,» —
Журавли ответили:
«В неуемном горюшке
Люд казачий мечется, —
А тоска по волюшке
Временем не лечится.
Плачут жены, матери,
Чудясь долей горькою,
И живут, как в кратере,
Долею нелегкою.
Все цепями старыми
Связана Казакия,
Там все так же барами
Лиходеи всякие...»
Смолкли птицы вещие —
В облака взметнулися...
На глаза поблекшие
Слезы навернулися.

Октябрь 1935

Иван Назаров

**
*

Я сегодня в мечтах пролетал над степями.
Голубая... безбрежная степь! —
Ковылей серебро, в переливах волнами,
Да курганов охранная цепь.
Та же даль. То же, солнцем согретое, поле.
Та же зелень ковров по весне...
Тут ли не было жизни в разбеге по воле,
Тут ли не было славы в войне?!
Не играла ли песнь соловья заливного
По закату в заре огневой?
(Ей же вторил напев удальца молодого
О любви меж грозы боевой)...
Тут ли девки в их юной красе не плясали? —
Лишь монисты сверкают, да юбки шуршат...
Тут ли жены с похода мужей не встречали
И родили отважных ребят!...
Где гуртами тянувшийся скот на толоках?!
Вереницы челнов на реках,
Табуны лошадей на просторах широких
И станицы гусей в хуторах?!
А теперь? — «Как Мамай воевал»!.. —
поразбито,
Поразрушено все... И могил...
Сколько новых могил?! для кого понарыто
И кого в них народ «хоронил»?!
По дорогам не видно бывалых обозов,
Нагруженных пшеничным зерном...
Этот хлеб золотой — достоянье колхозов,
Достоянье теперь мужиков...
Нету песен. — До песен ли тут в этом аде,
Где как призрак летает пугач!
Но не думал народ мой просить о пощаде
Это знай ты — московский палач!
И не будет! — Убей ты, грузинский громила,
В диком бешенстве всех казаков!
— Всем за плахой одна, рядовая могила,
Но не сделать из них мужиков!..
Все на зов боевой, как один, отзовутся,
Не щадя удалой головы!
Все на верную смерть, как на пир, обрекутся,
Но не станут рабами Москвы!
Жен... детей перебей! — и по чистому полю
Брось тела их голодным волкам,
Но священную месть за Отчизну и Волю
Никогда не забыть казакам.

Сергей Чепурной

ОСЕНЬ

Осень ненастная, хмурая, скучная
С ветром, туманом и мелким дождем —
Гостья незванная, в жизни ненужная
Вновь появилась — стоит за окном.

Тучи свинцовые низко проносятся —
Мчатся стремительно в серую даль,
Люди куда-то зачем-то торопятся...
С ветки последний лист плавно упал.

Всюду для взора картина печальная —
С жизнью прощанье, со смертью борьба
Злая, жестокая, часто неравная...
И никого не жалеет судьба.

Грусть безысходная, грусть одиночества,
И о далеком неясные сны...
В эту вот именно пору мне хочется
Вспомнить о ласках ушедшей весны,

Сторону милую, степь бесконечную,
Сад над рекою с густым камышем,
Вечером темным — лихую, беспечную
Песню о Воле, о Крае родном...

Алексей Иванович Кулабухов

(К годовщине мученической смерти).

Шестнадцать лет прошло с того дня, как Кубань, а с нею и все Казачество, потеряли великого казачьего патриота Алексея Ивановича Кулабухова. Несмываемым позорным пятном ложится его мученическая смерть на все русское «белое» движение.

В дни, когда совершилось преступное насилие над Кубанской Краевой Радой, когда послушные кубанские палачи ген. Деникина вешали на Крепостной площади Екатеринодара члена Кубанского парламента, бывшего кубанского министра и члена делегации от Краевой Рады на мирную конференцию в Париже А. И. Кулабухова, русские люди всех направлений и оттенков политической мысли ликовали. Им казалось, что они празднуют окончательную победу «витязя Русской земли», ген. Деникина, над кубанским сепаратизмом. В действительности же он готовил себе и им окончательное поражение, а с собою тянул в пропасть и все Казачество. Они думали, что, предавая казни А. И. Кулабухова, они навсегда унизят его память в глазах Казачества. А в действительности они создали ему на вечные времена славу героя и мученика за казачью самостийническую идею, славу бесстрашного борца за права и свободу Казачества.

Прошло всего несколько лет и там, на Кубани, как передавал нам бежавший оттуда, ныне тоже покойный, Ф. К. Воропинов, по станицам творятся легенды и поются песни о Кулабухове.

А здесь, в эмиграции, вольные казаки (а не «русские казачки») считают за честь для себя называть свои заграничные станицы и хутора именем Кулабухова и благоговейно чтут его память.

Память его окружена преклонением; от нее исходит сияние мученичества. И если русские единонеделимцы боялись его живого и постарались отнять у него жизнь, то он более страшным оказался для них мертвым. Встал он более грозным для них из могилы. А могилою для него, по снятии с виселицы, была сначала загородная куча навоза, куда, ослепленные дикой ненавистью, «строители Единой, Неделимой, Великой России» бросили беспомощное тело казака-священника Алексея Ивановича Кулабухова.

Да, он был священником, и в этом сане был повешен «богобоязненными» русскими людьми. Даже тишайший епископ Екатеринодарский Иоанн не мог не протестовать против того, что «витязи» вешают священников без предварительного снятия с них сана. Им, этим «витязям-вешателям», было некогда заниматься такими «пустяками», раз им казалось, что это нужно для славы Молоха в образе «Единой, Неделимой».

Прошло 16 лет, но светлый образ Алексея Ивановича не меркнет, не тускнеет. Он стоит перед нами, как живой.

Здесь мы не имеем ввиду дать биографию и полную оценку его политической деятельности. Для этого еще не настало время, а главное — нет в нашем распоряжении достаточных для этого материалов. Тут мы поделимся с читателями только общими сведениями о его деятельности и впечатлениями от его личности.

Казак многотысячной станицы Ново-Покровской*) на старой Кавказской Линии; из старого казачьего рода. Высокий, стройный брюнет, 40-42 лет, с тихим, мелодичным тенорового тембра голосом, с распевным старолинейским говорком, с карими задумчивыми глазами. Характерные его особенности: необыкновенная скромность, выдержанность, культурность и, в то же время, решительность в действиях, самообладание и редкое мужество и готовность жертвовать собою за правое дело.

По внешности некоторые принимали его скорее за горца. Вероятно в нем таки текла частица черкесской крови: браки с черкешанками - пленницами когда-то были распространены на Старой Линии.

Любовь к правде и свободе была отличительной, врожденной, вероятно наследственной чертой этого человека.

По окончании Ставропольской духовной семинарии, он больше 10 лет был священником. В искании «правды», он некоторое время склонялся к учению Льва Толстого, исповедывал непротивление злу насилием, искал «царства небесного» в личном самоусовершенствовании. Однако, его тянуло к практической работе на пользу народа, в частности — к политической деятельности. После революции 1905-6 г. одно время даже выставлялась его кандидатура от казачьего населения в Государственную Думу.

Грянула революции 1917 г., сначала, казалось, бескровная, но потом оказавшаяся очень даже кровавой, особенно для казаков. Алексей Иванович с головой уходит в борьбу, основной целью которой было спасти Кубань и все Казачество от анархии, что

*) В № 123 «ВК» ошибочно напечатано, что А. И. Кулабухов был казак ст. Расшеватской. Он был там только священником.

несли с собой в Казачьи Земли и «красные», и «белые», и «черные» русские люди, как воронье, ринувшиеся на богатые хлебом и другими продуктами Края.

Весь этот период (1917-1919 г.г.), вплоть до самой смерти своей, Алексей Иванович пользовался неизменным и полным доверием своей станицы, будучи бессменным ее представителем в Радах всех созывов.

В работах Рад он принимал самоее деятельное участие, стоя, вместе с Ф. К. Воропиновым, во главе делегатов Кавказского отдела.

Нельзя сказать, чтобы он был вполне подтовленным, искушенным политическим деятелем. Да и кто из тогдашних казачьих деятелей мог прендендовать на звание искушенного политика? А сама политическая обстановка того времени была такой сложной и запутанной, что в тех условиях и профессиональные политики «великих народов» терялись, делали непростительные промахи и просто глупости (вспомним г.г. Керенского, Милюкова и др.). Не раз делал ошибки и покойный Алексей Иванович, но всегда это были ошибки добросовестные; всегда выходил он из мотивов честных, из желания добра своему народу.

Сам он с большим сожалением впоследствии вспоминал, например, о том, что на совещании в атаманском дворце в январе 1918 г., где он присутствовал в качестве министра внутренних дел, он поддерживал кандидатуру полк. Покровского на пост командующего Кубанской Армией, не видя тогда другого кандидата среди природных кубанских казаков-офицеров. По злой иронии судьбы именно этому самому Покровскому и было поручено в ноябре 1919 г. ген. Деникиным произвести переворот на Кубани. Этот же самый Покровский распоряжался и повешением А. И. Кулабухова (сам Покровский был убит в 1922 г. в Болгарии).

Другим случаем, в котором он сделал ошибку, было назначение полк. Карташева (тоже не казак) заведывающим разведочной службой. Впоследствии оказалось, что полк. Карташев в действительности служил не Кубанскому правительству, а ген. Деникину; это он потом представил Штабу Добровольческой армии «остроумный» доклад о том, как нужно сделать так, чтобы делегация Краевой Рады в Париж, в составе которой был и Алексей Иванович, из Екатеринодара выехала, но до Парижа не доехала.

В конце 1917 и в начале 1918 г.г. случалось, так, что самые опасные поручения Законодательная Рада давала Алексею Ивановичу. Припоминается нам инцидент, случившийся с 7 офицерами-кубанцами в соседней с Екатеринодаром станицей Пашковской. Офицеры эти были командированы Кубанским Штабом взять пулеметы в 5-й Кубанской конной дивизии, стоявшей в Пашковской, перед тем пришедшей из Финляндии и в значительной мере зараженной большевизмом. По распоряжению дивизионного комитета посланных офицеров там арестовали; они были избиты, один из них ранен шашкой. В тот же день ночью Алексей Иванович, по поручению Рады и правительства, был в Пашковской и, с опасностью для собственной жизни, принял меры, чтобы арестованные не были расстреляны до утра. А утром он собрал многотысячный митинг станичного населения и под дулами наведенных на него витовок, внешне сохраняя полное спокойствие, произнес речь, от которой тысячи народа плакали и в результате которой сами опустились к ноге винтовки. Офицеры-кубанцы были спасены. Впоследствии нашлось 5 офицеров-кубанцев, которые подписали смертный приговор Алексею Ивановичу по приказу ген. Деникина и Покровского. Иуды кубанские, как бандиты, расправились с попавшимся в их руки беззащитным спасителем их же коллег.

Вспоминается и другой случай. На станции Кавказской разнузданные тысячные толпы солдат, возвращавшихся с Кавказского фронта, начала громить правительственные водочные склады, вмещавшие более сотни тысяч ведер водки и спирта. Посылка правительством воинских частей не дала желательных результатов. Снова пришлось Раде командировать 3-х своих членов во главе с Алексеем Ивановичем. Грабеж и пьянство приняли однако такие размеры, что остановить их без употребления огнестрельного оружия нельзя было, а на это командующий отрядом не решался; в скорости, впрочем, склады с остатками напитков сгорели. Видя, что с бушующей, пьяной толпой словом ничего нельзя сделать, Алексей Иванович отправился на близь лежащую станцию, которая была тогда центром местных большевиков, и там выступил на огромном митинге, доказывая, что Кубанская Рада и Правительство созданы волею народа, что они проводят демократическую программу и что их нужно поддерживать. Толпа яростно реагировала на эту речь Алексея Ивановича, и сам он, вспоминая об этом митинге, считал чудом, что не был там растерзан. Снова его спасли выдержка, спокойствие и удивительное присутствие духа.

После ухода с поста министра внутр. дел К. Л. Бардижа, занявшегося организацией на Черномории отрядов «Вольного Казачества», Алексей Иванович Кулабухов занимает этот пост в правительстве Л. Л. Быча.

Теперь, в условиях мирной заграничной обстановки, нам уже трудно представить себе, какие непреодолимые трудности представляло в то время управление ведомством внутренних дел, когда со всех сторон пред'являлись требования прекратить постоянные и массовые нарушения порядка и насилия и когда почти никто не хотел добровольно исполнять ни законов, ни распоряжений органов казачьей власти. В распоряжении же кубанского министра внутренних дел находился лишь небольшой вооруженный отряд, с которым нечего было и думать о массовых репрессивных мерах, о том, чтобы силою заставлять слушаться. Все кипело, бурлило. Готовилась война между коренным казачье-горско-крестьянским населением Кубани, с одной стороны, и с большевизованным иногородним, сравнительно недавно пришлым населением, с другой. Это последнее проявляло большую активность, агрессивность, напор, поддерживаемое вооруженной силой из Москвы. Наоборот, коренное население, не верившее еще тогда в возможность этой войны и последовавших за ней насилий, грабежа и расстрелов, держало нейтралитет, благоприятный Кубанскому правительству, но, не давая бойцов в правительственные отряды, тем самым обрекало его на висение в воздухе, на беспомощность.

И все же, по сравнению с Великороссией и даже Украиной, на Кубани, как и на Дону, в то время было больше порядка и больше безопасности для жизни. Об этом свидетельствуют и посторонние наблюдатели (см.,напр., «Воспоминания» М. Галагана, делегата Украины на Кубанскую Краевую Раду в декабре 1917 г). А главное — об этом свидетельствует тот факт, что тысячи и тысячи русских людей, спасаясь от тюрьмы, расстрелов и голода, бежали на Дон, на Кубань и здесь нашли убежище, спаслись от смерти; одно время здесь же (в станице Славянской) укрывались и беглецы из Быховской тюрьмы генералы Марков и Деникин, конечно, под чужими именами.

Причиной такого, нужно правду сказать, очень условного, сравнительного порядка жизни, кроме стародавней выдержки и дисциплинированности казачьего населения, несомненно, была отчасти и энергичная деятельность членов кубанского правительства по внутр. делам К. Л. Бардижа, а затем А. И. Кулабухова. Мы вспоминаем об этом лишь мимоходом; делом историка этого бурного периода будет оценить об'ективно деятельность первых двух министров внутренних дел самостоятельной Кубани.

Не выдержал натиска большевицких военних сил Кубанский фронт или, вернее сказать, постыдно был пропит полк. Покровским и покровчиками. Раде, Атаману и Правительству пришлось оставить Екатеринодар, «перейти на новые позиции».

Захватив с собою свою «поповскую», пуда в полтора весом, медвежью шубу и винтовку, Алексей

Иванович взлез на коня и пошел в поход. Правду сказать. имел он тогда мало воинственный вид. Однако, под станицей Калужской 11 марта 1918 г. и ему пришлось ходить в атаку в пешем строю. Во время похода у него постоянно ровное настроение, всегда готовая шутка на поддразнивания товарищей, постоянная песня на устах. Он обладал приятным тенором, знал массу песен и особенно любил петь мелодичные, за душу хватающие украинские песни.

Из походных встреч нам припоминается его встреча с ген. Корниловым в доме священника Елизаветинской станицы, где остановился ген. Корнилов после переправы через Кубань. За вечерним чаем зашел разговор о том, что делать с большевиками. захваченными в Елизаветинской. Один из присутствующих высказался очень решительно: всех их де нужно перевешать. Вспыхнув, ген. Корнилов с раздражением упрекнул собеседника в жестокости и сказал, что лично его страшно мучит необходимость отдавать распоряжения о казни людей, как и сама необходимость воевать и, значит, уничтожать своих, людей, которые, быть может, еще вчера сражались под его командой против внешнего врага. В конфиденциальном же разговоре с Алексеем Ивановичем ген. Корнилов очень категорически заявил, что по своим убеждениям он, Корнилов, демократ и республиканец; о восстановлении монархии и о возвращении на трон Романовых, по его мнению, не могло быть и речи. В словах Алексея Ивановича, когда он рассказывал о своей встрече с ген. Корниловым за 4 дня до его (Корнилова) смерти, проскальзывала явная симпатия к этому генералу, особенно, когда он сравнивал его с ген. Деникиным. Романовским и др., тупая надменность и высокомерность которых в отношениях с казаками его возмущали и раздражали. Разницу в политических взглядах и в отношении к казакам Алексей Иванович об'яснял тем, что ген. Корнилов был казак, а те, другие, — «истинно русские» люди.

Недели через две после неудачной попытки овладеть Екатеринодаром со стороны Елизаветинской станицы, Алексей Иванович едва не погиб от большевиков. Из станицы Успенской, где тогда стоял Кубанско-Добровольческий отряд, Алексей Иванович поехал в станицу Расшеватскую, временно захваченную казачьим конным отрядом, чтобы повидать родственников и сдать им свою знаменитую шубу. Под натиском большевиков отряд этот так быстро ушел из Расшеватки, что Алексей Иванович не успел к нему присоединиться. Он был арестован большевиками и хотя легитимировался документом на имя какого-то Воронежского кооператора, показался комиссару подозрительным и из-под ареста не был выпущен; его решено было отправить на другой день в штаб большевицкого командования. Ночью Расшеватка подверглась пушечному обстрелу со стороны казаков; большевики бежали, захватив, однако, с собой Алексея Ивановича. Дорогою в ночной темноте ему удалось бежать и до рассвета дойти в соседнюю станицу к другим родственникам, где и пришлось провести несколько суток, днем лежа недвижно между полом комнаты и подшивочными досками, а ночью вылезая оттуда с совершенно онемевшими членами. Не выдержав такого режима, он пробрался в Ставрополь, где и прожил около 3-х месяцев. Там он принял участие в организации офицерского восстания против большевиков, но окончилось оно неудачей и Алексею Ивановичу пришлось скрываться в окружающем Ставрополь лесу до взятия города отрядом полк. Шкуро.

Только после этого он присоединился на станции Тихорецкой к Кубанскому правительству и вступает в отправление обязанностей министра внутренних дел.

С августа 1918 г., по освобождении Екатеринодара и значительной части Кубани, снова начинается для него кипучая работа по восстановлению разбитого правительственного аппарата, по обновлению нормальной жизни в Крае и по ликвидации большевизма и последствий шестимесячного царствования большевиков. Но вместе с тем начинается для Алексея Ивановича тяжелая и в высокой степени нудная борьба с Добровольческой армией, агенты которой

РЕДКАЯ ФОТОГРАФИЯ

Сидятъ: председатель Куб. Делегации Л. Л. Быч и его супруга. Стоятъ: члены Делегации: слева И. А. Билый (Походный Атаманъ ВК), справа (в черкеске) А. И. Кулабухов.

Фотография снята въ 1919 г. в Пирее (Греция) по дороге Делегации в Париж. А. И. Кулабухов был повешен в этой именно черкеске. Фотография редкая потому, что другой фотографии А. И. Кулабухова в черкеске нет, кажется, вообще. По крайней мере нам об этом неизвестно.

на каждом шагу упорно, часто крайне нагло вмешивались во внутренюю жизнь Края, противодействуя мерам Правительства, внося многоначалие, анархию. Русские люди, повылезшие теперь изо всех нор и, видя опору в ген. Деникине и русской печати, начинают травить Кубанское правительство и Раду, ведут едино-неделимческую пропаганду не только в городах, но и в станицах, вносят смуту в умы местного населения, сеют раздор, несбгласия, а вместе с тем спекулируют на хлебе, табаке, кожах, шерсти др. продуктах богатой еще тогда Кубани.

Алексей Иванович энергично борется против разрушительной деятельности единонеделимцев: закрывает газеты, конфискует типографии, преследует за спекуляцию, отбивает атаки на Кубанскую власть. Одновременно ему приходится вести упорную борьбу и против большевиков, ушедших в подполье.

Но самой неприятной для него была борьба против своего же Кубанского Атамана ген. Филимонова, который поверил, что ген. Деникин освободит и соберет Землю Русскую. Стараясь заслужить доверие и расположение будущего повелителя России, ген. Филимонов начал вмешиваться во внутреннее управление Кубанью и старался направить дело этого управ-

ления в сторону подчинения его ген. Деникину и его Особого Совещания. Редко кого Алексей Иванович не любил так сильно, как этого первого Кубанского Атамана за его неискренность, лживость, интриганство и трусость.

Иногда на почве служебных отношений у них дело доходило до неприятных разговоров. Особенно же возмутил Алексея Ивановича случай с подстроенным Атаманом Филимоновым арестом и выдуманным обвинением помощника министра продовольствия ген. Букретова в злоупотреблении по службе. Дело было подстроено хитро, тайком от Правительства, а целью своей имело набросить тень на тогдашнего председателя Правительства Л. Л. Быча, возможного кандидата и, значит, предполагаемого соперника на пост Войскового Атамана. В разговоре с ген. Филимоновым по поводу этого незаконного ареста Алексей Иванович сильно волновался и повышенным голосом, что с ним редко случалось, бросил в глаза Атаману, что арест ген. Букретова — подлость, интрига. Сам он потом признавался, что, если бы его не удержал за руку Л. Л. Быч, он дал бы ген. Филимонову пощечину. Ген. Филимонов не простил Алексею Ивановичу этого случая и через год отплатил ему сторицею, выдав его палачам на смерть.

В декабре 1918 г. Правительство Л. Л. Быча ушло в отставку. Новое Правительство было возглавлено Ф. С. Сушковым и приняло ярко выраженное единонеделимческое направление. Оно об'явило, что «будет ковать казачье железо», но для казачьих патриотов было ясно, что делаться это будет на московской наковальне и московским молотом. В такое правительство Алексей Иванович, конечно, не мог войти.

За то его кандидатура была дружно выдвинута депутатами Рады Кавказского отдела в члены заграничной делегации, возглавленной Л. Л. Бычем.

Для Алексея Ивановича начинается совершенно новая отрасль деятельности. Он попадает в новый мир, необычную для него обстановку западно-европейской жизни. В течении почти 8-месячного своего заграничного пребывания, он внимательно присматривается к политической жизни после-военной Европы, к государственной и административной организации Франции. В Париже, помимо участия в работах делегации, он много читает, посещает публичные собрания, заседания, библиотеки, музеи; постоянно встречается с политическими деятелями разных направлений и разных национальностей. Особенно близкие, а в некоторых случая и дружеские отношения у него завязываются с членами Донской, Украинской и Горско-Кавказской делегаций. Из него начинает вырабатываться политический деятель большого масштаба.

Нам припоминается рассказ Алексея Ивановича о встрече его в Париже с А. Ф. Керенским и Н. Д. Авксентьевым на квартире нынешнего секретаря французской социалистической партии Жана Северака, женатого, кстати сказать, на кубанке — дочери б. священника станицы Северской; г. Северак еще до войны бывал на Кубани, не плохо говорит по-русски... Алексей Иванович поставил г.г. Керенскому и Авксентьеву, как представителям партии соц.-революционеров и, можно сказать, вершителям судеб России в первый период революции, вопрос об их отношении к независимости новых государственных образований, в том числе, и к Кубани. Сама постановка вопроса вывела из душевного равновесии бывш. главу Всероссийского Временного Правительства г. Керенского. Стуча кулаком по столу, зычным голосом, который так решительно и повелительно звучал в Париже, но которого вовсе не желали слушать русские люди Петрограда и Москвы, отдавшие власть Ленину, временный герой русской революции кричал, что русские никогда на независимость «окраин» не согласятся, что де было-бы нелепостью, чтобы бакинская и грозненская нефть попала в чужие, не русские руки, равно как и закаспийский хлопок или украинский и кубанский хлеб и сахар.

Доводы Алексея Ивановича, что ведь все это можно купить на деньги, что из-за хлеба, нефти и хлопка нельзя забирать чужие территории и национально чужим русским людей, у которых проснулось национальное чувство, а вместе с тем и стремление к самостоятельной государственной жизни, что Всероссийское учредительное Собрание, в подавляющем большинстве своем состоявшее из социалистов-революционеров, однопартийцев г.г. Керенского и Авксентьева, успело торжественно провозгласить Российскую федерацию и «право на национальное самоопределение вплоть до отделения; — все эти доводы только больше раздражали его собеседников. «Милый» разговор кончился на том, что хозяин дома попросил своих русских гостей не обижать его друга-кубанца. Рассказывая об этом случае, Алексей Иванович волновался и недоуменно спрашивал: «Что же это такое? Куда же они девали свою программу, свои принципы? И это социалисты! Они даже не демократы!»...

Он забывал, что социалисты и демократы в национальных вопросах часто бывают хуже «зубров», а что в данном случае имел дело просто с русскими людьми, для которых, как это было сказано в одном меморандуме, поданном в то время русскими эмигрантами французскому Правительству, «окраины», т. е. чужие земли, составляют... русское достояние, в роде родового имения, разумеется, со всем на нем живым и мертвым инвентарем — с нефью, хлебом, хлопком и сахаром, с лошадьми и коровами, а также... и с людьми.

Пребывание в Париже еще более укрепило Алексея Ивановича в мысли о необходимости для Казачьих Земель добиться государственной самостоятельности... Особенно болела его душа за судьбу родной ему Кубани. Отойдя в сторону от непосредственной борьбы, поглощавшей на Кубани все его время, анализируя положение и силы борющихся сторон — большевизма и антибольшевизма, а самое главное — учитывая нелепую, гибельную политику ген. Деникина и его окружения по отношению к русскому крестьянству и в отношении Украины, Горцев Северного Кавказа, Грузии, Азербейджана и даже Казаков, на военные силы которых он опирался, Алексей Иванович начал сомневаться в окончательном успехе борьбы с большевизмом, хотя как раз к этому времени обозначилось быстрое продвижение антибольшевицких войск на север.

Между прочим, его бесконечно тревожил и возмущал тот факт, что ген. Деникин использует Кубанских казаков не только для борьбы против большевиков, как это было условлено договором от 17 марта 1918 г. между Добрармией и Кубанским правительством, а посылает Кубанские войска и против Украины, и против Горцев Северного Кавказа, что вовсе не входило в намерения Кубанцев и что, по их убеждению, должно было гибельно отразиться на деле борьбы против большевиков.

Представители Кубанских горцев в Законодательной Раде горячо протестовали против участия Кубанцев в новом покорении Кавказа. Горская Делегация в Париже тоже заявила по этому поводу протест Кубанской делегации.

У Кубанской делегации в Париже и возникла мысль положить конец недоразумениям между горцами и казаками и предложить Раде заключить договор дружбы с Горцами. На выработке проекта договора и на подписании его горячо настаивал Алексей Иванович.

Приехав на Кубань в конце сентября 1919 г. с докладом Парижской Делегации Краевой Раде, с проектом договора дружбы с Горцами Северного Кавказа и с сомнением в душе относительно успеха в борьбе против большевиков, Алексей Иванович убедился тут, на месте, в двух вещах.

Во-первых, он воочию увидел, что его опасения насчет возможного поражения имеют полное основание. Об этом свидетельствовало общее положение дел в тылу, на землях, управляемых агентами «Единой, Неделимой»: постоянные восстания, беспорядок, произвол, административные насилия, продажность и

спекуляция, самая безудержная спекуляция на всем. Распущенность нравов передалась отчасти и на Казачьи Земли, где русские люди совсем распоясались. А при всем этом — нигде и никогда невиданный фронт ввиде необычайно раздувшегося пузыря: ген. Деникин воевал на все четыре стороны света, везде сам себе создавал врагов и нигде — друзей. Вполне естественно, что пузырь этот в конце концов где-то должен был лопнуть; очевидно, скорее всего это должно было случиться на главном, антибольшевицком фронте.

Во-вторых, с горечью в душе Алексей Иванович увидел и то, что за время его отсутствия значение и власть ген. Деникина на Казачьих Землях безмерно усилилась; фактически он и тут становился «верховным правителем». Одна Кубань еще сопротивлялась сознательно его диктатуре. Но и это сопротивление в корне подрывалось поведением Войскового Атамана Филимонова, некоторых старших военных начальников и нерешительностью, безвольностью правительства П. И. Курганского.

Рядовое казачество инстинктивно чувствовало опасность. Среди него наростало враждебное настроение против непрошенных гостей, положивших «ноги на стол». Особенно это стало заметным после убийства «белыми» председателя Краевой Рады Н. С. Рябовола. Но распыленные, не организованные, не руководимые безличным и слабовольным правительством Курганского, сами казаки, конечно, ничего не могли сделать.

Из создавшегося, чрезвычайно опасного для Кубани положения единственный выход для нея и, быть может, для всего Казачества Алексей Иванович видел в немедленном устранении ген. Филимонова с поста Войскового Атамана, в создании твердого, волевого правительства, которое решительно вывело бы кубанскую политики на путь действительной и полной самостоятельности и которое должно было бы немедленно свести все Кубанские военные силы в самостоятельную Кубанскую Армию. Но вскоре Алексей Иванович убедился, что у кубанских самостийников на проведение всего этого не хватит сил, что самостийнической группой Рады делаются тактические и организованные ошибки и что ей не удастся подвинуть Краевую Раду на выражение недоверия ген. Филимонову и, значит, на удаление его...

И смертная тоска, отчаяние, безнадежность овладели душей Алексея Ивановича. Раньше всегда такой спокойный, бодрый, жизнерадостный и активный, он теперь изменился до неузнаваемости. Нервный, раздражительный; цвет лица землисто-желтый; воспаленные, глубоко запавшие глаза: видно, не спал ночами. Вид всегда грустный, глубокоушедший в себя, в свои тяжелые душевные переживания. Живой мученик, самообреченный. И в то же время, как у действительных, христианских мучеников, несокрушимая пассивная воля: пострадать за идею, за «други своя», за Кубань.

За несколько дней до казни, когда зарвавшийся игрок казачьими головами ген. Деникин уже издал свой приказ о предании военно-полевому суду членов Кубанской и Горской делегаций за подписание договора дружбы и об аресте их в случае появления на территории «вооруженных сил Юга России» когда ген. Деникин требовал выдачи на свой суд Алексея Ивановича, его навестила супруга одного из членов Кубанской заграничной делегации и, указывая на непосредственную угрозу для его жизни, убеждала его скрыться и переждать некоторое время в горах.

Алексей Иванович ответил на это дословно следующее:

«Я знаю о грозящей мне опасности. Мои приятели черкесы уже и лошадь приготовили, чтобы я уехал в аул. Но я никуда не уеду. Я останусь тут. Я думаю, что моя смерть будет полезной Кубани» .

Это было сказано тихим, ровным голосом, как вообще люди говорят о тяжелом для них, больном вопросе, бесповоротно решенном. Было сказано это с такой убежденностью в необходимости собственной смерти, что собеседница растерялась перед силой этой воли, не нашлась, что ей на это возразить.

Мы не знаем точно, что именно имел в виду Алексей Иванович, когда говорил, что своей смертью он надеется оказать последнюю службу своей Кубани. Возможно, что он думал, что его смерть от руки «витязей»-палачей раскроет глаза казакам, и они, сбросив со своего истекающего кровью тела разошедшихся пришельцев и своих казачьих предателей, возьмут в собственные руки дело борьбы за свою свободу и независимость и доведут его до благополучного конца, как это сделали Финляндия, Латвия, Эстония... Во всяком случае, мы совершенно точно знаем, что Алексей Иванович свободно мог уйти из Екатеринодара к своим друзьям казакам или черкесам, мог спасти себе жизнь, но не сделал этого...

На событиях, сопровождавших смерть Алексея Ивановича, мы тут останавливаться не будем... Скажем только, что захват Алексея Ивановича и казнь его мы расцениваем, как акт политически совершенно бессмысленный и беззаконный, как **убийство** с заранее обдуманным намерением. В наших глазах этот акт ничем не отличается от нападения вооруженных людей на мирного обывателя, который не оказал сопротивления и которого бандиты тут же убили, предварительно устроив подобие суда. Тяжесть этого преступления углубляется тем, что убит был представитель Казачества, народный избранник, защитник интересов Кубани. Убийством этим было оскорблено, унижено в своей чести все Казачество.

Алексей Иванович имел семью: старушку-мать, жену, двух детей подростков — дочь и сына. Нужно только представить себе всю массу горя, которое упало на голову его несчастной семьи, страдавшей не только от того, что она лишилась сына, мужа, отца, но и от умышленно выбранного бандитами унизительного способа казни. Ведь они целый день держали на виселице тело Алексея Ивановича, одетого в черкеску, очевидно, на потеху русским людям и на устрашение казаков. А кроме того, они вывесили на его теле дощечку с надписью: «За измену России и Кубанскому Казачеству». Настоящей Россией была тогда Россия Ленина, как теперь есть Россия Сталина; против этой России Алексей Иванович открыто боролся. Ген. Деникин и его приспешники были беглецы, изгнанники из России; никто и никогда их не уполномачивал представлять, олицетворять Россию... А за Казачество он жизнь свою отдал...

Когда в день казни в Екатеринодар в'езжал с видом триумфатора ген. Врангель, а для охраны его «драгоценной жизни» шпалерами были расставлены войска по городским улицам, на балкон квартиры покойного, на Екатерининской улице, по которой проезжал победитель Кубанской Рады, вышла старушка и, заливаясь слезами, истерически кричала :«Проклятые!.. Проклятые... Проклятые... Отдайте мне моего Алешу»

Крик: «Прокляті» и «Поверніть нам Рябовола та Кулабухова» — не раз потом сопровождал добровольцев, когда они, отступая перед большевиками к Новороссийску, проходили по черноморским станицам и удивлялись, что на этот раз их так враждебно встречало прежде такое «ласковое и приветливое», по словам Деникина, население Кубани. Открылись у кубанских казаков глаза, да только, к сожалению, поздно.

Ушел с атаманского поста сейчас же после смерти А. И. Кулабухова и трусливый, коварный, мстительный и жестокий ген. Филимонов, завлекший Алексея Ивановича в западню, в свой дворец, и оттуда выдавший его на виселицу...

Но и смена Атамана делу спасения Кубани не помогла, тем более, что Краевая Рада принуждена была выбрать Атаманом снова единонеделимца — ген. Успенского, правда, человека лично порядочного.

И что же, спросят, значит самопожертвование Алексея Ивановича оказалось бесцельным, напрасным? — Отнюдь нет!

Мы не говорим о том возвышающем душу прояв-

лении любви к своему народу, которое дал нам своей смертью Алексей Иванович, как пример для нас и для грядущих казачьих поколений. Он обогатил моральную сокровищницу нашего народа. Пока среди нас есть Кулабуховы, не пропадет наша земля, будет жить Казачество!

И, наконец, смертью своей он тесными моральными узами связал нас, казаков, с нашими ближайшими соседями — Горцами Сев. Кавказа: **Он умер за нас и за них.** Больше столетия жили мы с ними бок-о-бок и перемешанно. Пройдут еще столетия нашей совместной жизни с ними. Были между нами споры, недоразумения. И еще будут. Но мы и они должны научиться эти споры разрешать мирно, полюбовно, по взаимному соглашению. И такие соглашения теперь могут быть легче достигнуты, ибо обе стороны в разгар возможных несогласий должны будут вспоминать образ трагически погибшего за наше общее дело Алексея Ивановича Кулабухова.

Нет, не напрасно он умер!

Много преступлений против Казачества было совершено русскими людьми, и красными, и белыми, — в период революции и борьбы Казачества за свою самостоятельность.

По свержению большевиков, казакам придется, конечно, об'явить широкую амнистию, предать многое забвению, ибо совершались преступления в необычное, в сумасшедшее время, в азарте борьбы, в состоянии массового психоза. Но есть категории преступлений, которые не могут быть ни забыты, ни покрыты давностью, ни амнистированы, так как ими были слишком глубоко оскорблены святые чувства всего Казачества.

На Кубани к таким преступлениям, между прочим, относится убийство К. Л. Бардижа большевиками, убийство «белыми» Н. С. Рябовола, ноябрьский переворот 1919 г. и казнь А. И. Кулабухова.

Казачество будет терпеливо ждать, когда наступит его время судить преступников, что останутся к тому времени еще в живых.

А образ А,. Ив. Кулабухова, столь скромного при жизни, встанет к тому времени во весь свой рост, будет освещен со всех сторон. Стародавние Римляне, отличавшиеся, как известно, высокими воинскими доблестями, на протяжении веков свято чтили память своего героя Муция Сцеволы, положившего руку на огонь и сжегшего ее, чтобы доказать доблесть римского народа. У нас, казаков, вся наша история состоит из проявления героизма нашими воинами. И среди этих героев-воинов особое и почетное место будет занимать не воин, а казак-священник Алексей Иванович Кулабухов, мужественно отдавший себя на мучительную смерть в надежде, что «смерть его будет полезной Кубани»... Для этого он дал сжечь себя всего...

ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

(Очерк на тему: Казачество и Россия)

Часть Ш.

(июнь - декабрь 1919 г.)

Деникинцы также не сидели сложа руки. На некоторых Екатеринодарских площадях и на окраинах города производилась учеба призванных офицеров разных возрастов и чинов и очень пестраго обмундирования. Русские газеты усилили травлю самостийников.

Главный организатор переворота — ген. Врангель — энергично действовал в Кавказской армии. 14-го октября он писал председателю Особого Совещания ген. Лукомскому, между прочим, следующее:

...«В связи с намеченным на 24 октября созывом Кубанской Краевой Рады, группой членов Рады, сознающих необходимость создания на Кубани твердой власти, предположено внести на утверждение Краевой Рады проект изменения существующей ныне конституции. Сущность этого проекта уже обсуждалась мною с К. Н. Соколовым в бытность мою в Ростове 9 октября... Институт Законодательной Рады является излишним и упраздняется... Проект отвергает необходимость создания отдельной Кубанской армии... Вместе с тем, дабы, в случае нового порядка вещей, Атаман и его правительство могли бы действительно продуктивно работать на пользу края и воссоздания России, признается совершенно необходимым проведение в жизнь главным командованием нижеследующих мер:

1. Уплата в определенный срок денежного долга Кубани и своевременная уплата впредь за сырье и предметы провольствия, отпускаемые Кубанью.

2. Передача Кубани дела продовольствия Кавказской армии.

3. Прекращение действий в пределах Кубани реквизиционных и ремонтных комиссий, передача Войску лошадей, уже закупленных в его пределах ремонтными комиссиями.

4. Установление права Войска на получение определенной части захваченной Кавказской армией военной добычи.

5. Откомандирование в распоряжение Войска всех казаков из некубанских войсковых частей, учреждений и организаций.

6. Воспрещение впредь принимать в неказачьи войсковые части и учреждения Кубанцев — офицеров и казаков, без согласия Войскового Штаба.

7. Предоставление Войску права призвать на службу в ряды Кубанских частей иногородних Кубанской области, непризванных еще, по 99 год включительно, а из призванных уже — тех эвакуированных, кои находятся ныне на Кубани.

Как командующий Кавказской армией, не могу, со своей стороны, не признать, что боеспособность армии в полной мере зависит от проведения в жизнь указанных мер.

Приезд на Кубань генерала Шкуро в период созыва Краевой Рады чрезвычайно нежелателен, его поведение может лишь дискредитировать в глазах населения армию и я убедительно прошу Главнокомандующего принять меры к удержанию ген. Шкуро на фронте.

В заключение прошу распоряжений ген. Тихменеву о заготовке потребного числа эшелонов для переброски по первому моему требованию на ст. Пашковская одного полка конницы с одной батареей. **Пользуясь затишьем на фронте**, я, по соглашению с Войсковым Штабом, наметил отвод поочередно для отдыха на Кубань частей армии»...

Если к выше приведенным 7-ми пунктам добавить еще требование организации самостоятельной Кубанской армии, то будут охвачены все те требования, которые постоянно, с 1918 г., выставляли кубанские самостийники, опираясь на желание широких кругов рядового Кубанского казачества.

О размерах задолженности за взятые с Кубани продукты для армии будет сказано ниже. Теперь же подчеркнем, что кубанцы давно уже добивались передачи самой Кубани дела продовольствия Кубанской (Кавказской) армии, добивались прекращения действий на Кубани деникинских реквизиционных и ремонтных комиссий, освобождения кубанцев из всех некубанских войсковых частей и призыва в кубанские части неказаков Кубани — иногородних. За все эти требования деникинцы **травили** кубанцев, а теперь один

из главных переворотчиков эти требования включил в программу своей деятельности...

Далее ген. Врангель рассказывает:

«Тотчас по приезде в Царицын, я решил проехать в конную группу, чтобы лично выбрать те части, которые предполагалось отправить в Екатеринодар... Я нашел полки значительно пополненными и в прекрасном виде; однако, из разговоров со старшими начальниками вынес убеждение, что, увеличившись численно, части изменились в худшую сторону. Присланные за последнее время Кубанью пополнения в значительной мере состояли из тех казаков, которые в тяжелые июльские дни, пользуясь безвластьем в крае, укрылись в тылу. Ныне эти шкурники вернулись, значительно развращенные усилиями самостийников. Переговорив с ген. Топоровым и ближайшими его помощниками, я наметил для переброски в Екатеринодар бригаду плоковника Буряка, неуспевшую еще получить пополнений, малочисленную, но крепкую духом»... (Записки, т. 1-й, стр. 223).

Врангель не стеснялся называть кубан - цев, вынесших на своих плечах тяжелую борьбу с врагом, шкурниками только за то, что они понимали, к чему ведет их политика русских «вождей»... В то же время, Врангель отмечает соучастие в подготовке переворота на Кубани и старших кубанских фронтовых офицеров...

18 октября ген. Врангель выступил перед одной из кубанских дивизий со следующей речью:

> ...«Голоса отдельных людей, засевших в тылу и говорящих от имени Кубаи, не могут быть приняты за голос всего Кубанского казачества. Те, кто кровью своей обеспечивает счастье и благоденствие Кубани и те, кто в поте лица обрабатывает родную землю, те не говорят ни о какой самостийности. Я был в Екатеринодаре, куда приезжал, чтобы убедиться, отчего та армия, которая взяла десятки тысяч пленных, прошла многие сотни верст, отчего эта армия в ту минуту, когда, истекая кровью, просила у Кубани поддержки, не получила ее. Отходя в тяжелой борьбе к Царицыну, я взывал о помощи, как путник на разбитом бурей корабле. Но помощи не было.Ни один казак на полонение, ни одна лошадь, ни фунта хлеба не было выслано. Кубань оставила Кубанскую армию. Она не явилась для своей армии той матерью, которая посылает сыну последний фунт хлеба и чистую рубашку. Я поехал туда и увидел, что там лишь внутренние раздоры, среди которых тонул мой голос.
>
> Мой старый боевой соратник, ген. Науменко, был единственным человеком, который взял на себя защиту интересов армии. В порядке 57 статьи, минуя Законодательную Раду, проведен был закон о мобилизации коней, но в благодарность за эту поддержку, Рада выразила ген. Науменко недоверие. Теперь я хочу сказать хозяину земли Кубанской, ее Краевой Раде, всю правду. Я хочу, чтобы голос армии был услышан»...

«С напряженным вниманием, стараясь не пропустить ни одного слова, выслушали кубанские казаки дивизии слова своего командующего и, когда он кончил, громовыми криками одобрения встретили их. Казаки подняли на руки своего командующего и понесли его» («Вечернее Время», 23 октября 1919 г.).

Эта агитационная речь Врангеля была издана отдельной листовкой и в десятках тысяч экземпляров распространена на фронте и в тылу.

Почти то же самое находим у Деникина, который, повествуя о «взаимоотношениях Юга с Кубанью» и подготовляя читателя к мысли о неизбежности вооруженного переворота на Кубани, говорит следующее: «Положение становилось чрезвычайно тягостным. Ни одна из наших попыток установления государственной связи не увенчалась успехом, нам не было пред'явлено к тому же ни одного контр-проекта со стороны кубанских правителей, если не считать не прикрытого пожелания — полного невмешательства главного командования в дела Кубани... Кубань волею судьбы являлась нашим тылом, источником комплектования и питания Кавказской армии и связующим путем как с Северным Кавказом, так и с единственной нашей базой — Новороссийском. Кубанские части в октябре составляли все еще 12 процентов Вооруженных сил Юга. Нас сковывали цепи, которые рвать было невозможно.

В конечном результате, к осени 1919 г. положение было таково: на Царицынском фронте стояла страшно поредевшая Кавказская (Кубанская по составу) армия, сохранявшая еще, благодаря, главным образом, влиянию лояльного и национально - настроенного кубанского генералитета и офицерства, бодрость духа и дисциплину. Но с тыла, с Кубани, к армии не шло более на пополнение ни казаков, ни лошадей». (Очерки, т. 5-й, стр. 199).

— Мысль о том, что Кубань не давала будто бы продовольствия для Кавказской армии, не давала пополнений людьми и лошадьми муссировалась на разные лады еще во время самого хода борьбы, муссируется и за границей в писаниях представителей русского «белого» движения.

Нет никакого сомнения в том, что подобные обвинения не имеют под собой действительных оснований и являются сплошной и дерзкой клеветой на Кубань, клеветой, имеющей целью подобными измышлениями дать моральные основания для того страшного насилия, которое было совершено в ноябре 1919 г.

В виду особой важности вопроса, мы не смеем пройти мимо него. Разбераемся же внем.

Прежде всего, **мобилизацию всего иногороднего населения Кубани,** начиная с освобождения Кубани от советской власти летом и осенью 1918 г. и до оставления Кубани в 1920 г., **производил сам Деникин и мобилизованные иногородние Кубани поступали только в добровольческие, а не казачьи части.** Кубанское Правительство мобилизовало только казаков и горцев Кубани. На плечи исключительно этого населения пала вся тяжесть питания бойцами кубанских строевых частей, бывших с лета 1918 г. в почти беспрерывных боях.

Другая **половина** населения Кубани — иногородние — питала Добровольческую армию после освобождения Кубани от советской власти.

Уместно будет отметить, что на Дону Донское Правительство и только оно само **мобилизовало по своему усмотрению все население:** и казачье и неказачье.

В предыдущем изложении, разбирая в общем боевые события на фронте в 1918-1919 годах, основываясь на данных политических противников Казачества, основываясь на документах, мы последовательно установили, что **Кубанцы**

а) освободили Кубань, Черноморскую и Ставропольскую губернии, при незначительной поддержке настоящих **Добровольцев** и иногороднего населения этого обширнаго края,

б) кубанцы сыграли первостепенную роль при освобождении Терского Края,

в) в феврале-мае 1919 г. кубанцы, действуя в Донецком бассейне, не раз спасали добровольческую дивизию ген. Май-Маевскаго,

г) в апреле-мае того же года кубанцы разгромили на р. Маныче, на р. Сале, на Есауловскомъ Аксае 10-ю сов. армию,

д) в июне кубанцы взяли, неприступный до того и сильно укрепленный Царицын,

е) в июле кубанцы взяли г. Камышин,

ж) в июне-августе кубанцы взяли Лозовую, Синельниково, Александровск, Екатеринослав, Кременчуг, Черкассы и т. д. и т. д...

з) в августе-сентябре выдержали много упорных и кровавых боев на обоих берегах р. Волги и удержали в своих руках Царицын, несмотря на самые упорные и отчаянные атаки многочисленного, предприимчивого и хорошо воруженного противника, нажимавшего на Царицын с трех сторон,

и) в августе-сентябре Кубанская-Кавказская 1-я дивизия, действуя совместно с 1-й Терской дивизией, спасла г. Харьков и совершила победный и кро-

вавый путь тяжелых боев от Харькова до самого Воронежа и т. д. и т. д..

За героическую работу Кубанского конного корпуса в ноябре 1918 г. в Ставропольских степях Врангель получил чин генерал-лейтенанта. Необыкновенная доблесть кубанцев в боях и их действительно блестящие успехи были подчеркнуты в приказах Врангеля: 10 января 1919 г., данного на Минеральных Водах, 20 января — там же, 8 мая 1919 г. — в Великокняжеской, 18 июня — в Царицыне, 29 июля — в письме Врангеля на имя Деникина, в приказе 6 октября — в Сарепте у Царицына...

Если данные ген. Врангеля о количестве пленных, взятых кубанцами с ноября 1918 г. по октябрь 1919 г., подсчитать, получим во всяком случае более **ста** тысяч человек...

В тяжелых боях с красными кубанцы несли большие потери убитыми и ранеными и **эта огромная убыль постоянно возмещалась новыми пополнениями.**

При неудачных атаках Царицынских укрепленных позиций в конце мая и в начале июня 1919 г., по вине Врангеля, кубанцы понесли тягчайшие потери; и эта убыль была пополнена новыми бойцами. Весь путь от Царицына до Камышина и далее на север и обратный путь до Царицына густо усеян кубанскими казачьими трупами...

Замечательно то, что сам Врангель признает, что в конце августа того года «пополнения с Кубани стали подходить... казаки массами возвращались на фронт, полки быстро пополнялись» (т. 1-й, стр. 202). Например, 3-я Куб. пласт. бригада понесла в августе огромные потери и была сведена в батальон, скоро была вновь пополнена до нормального состава, но в сентябре у Черного Яра эта бригада опять понесла тягчайшие потери (Врангель, т. 1, стр. 205). И снова была пополнена.

То же самое было и со всеми другими кубанскими частями в течение всей борьбы 1918-1919 годов.

В октябре 1919 г. Врангель снова нашел, как сказано выше, «полки значительно пополненными и в прекрасном виде», однако, это все не мешает ему открыто, перед целой кубанской дивизией, говорить заведомую неправду, вводить казаков в заблуждение, лишь бы оправдать свое злодеяние в отношении Кубани, принесшей такие огромные жертвы в течение 1918-1919 годов.

Вообще же кубанские войсковые части, набиравшиеся из населения всего в 1 мил. 650-700 тыс. душ, за год и несколько месяцев совершили колоссальную боевую работу и достигли величайших успехов. Несмотря на это, генералы говорили и писали о кубанцах явную неправду.

Кажется, является общепризнанной истиной, что во время Мировой войны 1914-1917 г.г. императорская Россия проявила максимум напряжения при мобилизации населения. И что же оказывается? Как утверждает проф. Н. Н. Головин, 1 мл. 500 тысяч населения России выставляли **одну** дивизию — 15-16 тыс. человек. Разве может быть малейшее сомнение в том, что боевое напряжение Кубани в 1919 г. было во много раз больше того, какое императорская Россия проявила в войне с Центральными государствами и с Турцией (Н. Н. Головин. Мысли об устр. буд. рос. вооруж. силы, стр. 67).

Зная прекрасно все это, русские вожди осмеливались еще делать упреки измученной, доблестной Кубани.

Что касается отношения Кубанских Краевой и Законодательной Рад к дезертирству, можно отметить постановление Краевой Рады, принятое ею 13 февраля 1919 г., гласящее: «Подвергнуть решительному преследованию дезертирство» и постановление Законодательной Рады 4-го мая того же года, решительно осуждающее дезертирство, а именно:

«Признавая дезертирство изменой Краю и Родине и предательством по отношению к своим же братьям, доблестно и честно выполняющим свой долг на фронте, Законодательная Рада признает настойчиво необходимым вести самую энергичную, беспощадную и планомерную борьбу с этим позорным явление» («Траг. Казачества», ч. 2-я, стр. 163 и 287).

Отметили мы так же и то, что в конце июля, по предложению самостийника П. Макаренка, Законодательная Рада ассигновала 42 миллиона рублей на закупку лошадей для кубанских частей, вместо 7 милл., предлагавшихся военным министерством. При чем, при обсуждении в Зак. Раде этого вопроса, именно самостийники глубоко возмущались тем, что военный министр ген. Науменко так затягивает вопрос с закупкой лошадей.

Если военное министерство Кубани и после этого саботировало вопрос о закупке лошадей для армии, в этом не было вины Закон. Рады. А если и была, то она заключалась в том, что еще весною того года эта Рада не удалила ген. Науменка с поста военного министра, когда было констатировано в Раде, что вопрос об организации армии саботируется. Но ведь, 21 мая того года Войсковой Атаман Филимонов клятвенно заверял Раду, что никакого саботажа со стороны Науменка нет, что Куб. армия уже организована и т. д.

Если говорить о поставке Кубанью лошадей для армии, необходимо иметь в виду и то, что в пределах Кубанского Края совершенно свободно и беспрепятственно работали деникинские реквизиционные и ремонтные комиссии, по своему усмотрению забиравшие лошадей для армии.

Важным было и то, что весь административно-военный аппарат Кубани находился всецело в руках Войскового Атамана Филимонова, военного министра В. Науменка, его помощника ген. Звягинцева, начальника Войскового Штаба полк. Лещенко, начальника артиллерии ген. Чумаченко и 7-ми Атаманов Отделов, тоже полковников. Законодательная Рада в работу их не вмешивалась и вмешиваться не могла. Ген. Науменка удалила с поста военного министра за злостный саботаж закона об Армии и вообще за отсутствие должной заботы о кубанских войсковых частях.

Вообще же Законодательная Рада, как орган законодательный и контролирующий деятельность Правительства, сделала максимум для организации Кубанской Армии, для снабжения кубанских частей всем необходимым и для того, чтобы кубанские вооруженные силы не были использованы для тех целей, которые противоречили желаниям населения Кубани, выраженным в постановлениях Кубанской Краевой Рады.

Что подавляющее большинство Кубанского казачества, как и Казачества вообще, не хотело бороться за государственные идеалы Деникина-Врангеля и Особого Совещания, это правда, как было правдою и то, что и русское белое движение не хотело бороться за идеалы Казачества.

По своей сути эти два движения не сходились, а расходились. Одна из трагедий Казачества в том и заключается, что оно, к сожалению, вступило в союз с русским «белым» движением, вожди которого, опираясь на часть казачьих верхов, хотели этот союз претворить в подчинение Казачества себе, руководителям белых вождей.

Свою любовь к Казачеству, к Родной Земле кубанцы проявили не на словах, а на полях сражений, а свою свободу и свои права обильно полили своей кровью.

И, конечно же, не русским генералам учить казаков **казачьему** патриотизму.

Такой же клеветой на Кубань является и утверждение, что будто бы были месяцы, когда с Кубани не поступало для армии продовольственных продуктов.

Согласно официальному документальному отчету Начальника управления хлебозаготовки, с октября 1918 г. по 15 ноября 1919 г., в адреса 1) интенданта главнокомандующего вооруженными силами на Юге России, 2) интенданта Всевеликого Войска Донского и 3) интенданта Кубанского Края **Кубань отправила пшеницы, муки, ячменя, овса и других зерновых продуктов 8. 728**

(восемь тысяч семьсот двадцать восемь) **вагонов на сумму 351.360.700 рублей, или в среднем ежемесячно около 700 вагонов зерновых продуктов, на 28 милл. рублей.**

При этом Кубань за все это добро, переданное интендантам, получила только частичное вознаграждение бумажными деньгами, так что на 15 ноября 1919 г. **интендантства оставались должны кубанскому правительству за зерновые продукты 229.974.308 рублей.** Иначе говоря, было выплачено бумажками приблизительно только за одну треть продуктов, полученных с Кубани для армий.

Генералы Деникин, Врангель и другие, желая оправдать в глазах Войска Донского и Терского, в глазах русской общественности, в глазах своих армий ту борьбу, которую эти генералы вели против Кубани по политическим мотивам, бессовестно клеветали на Кубань, что она будто бы не дает хлеба для армий и принуждает бойцов голодать. Особенно эта клевета усилилась в период подготовки переворота на Кубани. Врангель дошел до того, что в агитационной и деморализующей фронт речи, перед одной из кубанских дивизий, 18-го октября позволил себе говорить, что в самый тяжкий период отступления Кавказской армии к Царицыну «ни фунта хлеба не было выслано, Кубань оставила свою армию» и т. д.

Эту клевету горячо поддерживал ген. Деникин. Но уже за границей тот же ген. Деникин, вступив в полемику с быв. Донским Атаманом ген. П. Н. Красновым, сам распубликовал следующее опровержение заявлений Врангеля и своих собственных:

...«Уже с весны 1919 г. на Дону создалось тяжелое положение в отношении провольствия и Главное командование, при серьезном сопротивлении Кубанского Прдавительства, **производило наряд Кубанского и Ставропольского хлеба для Донской области. Так в июне напр., отпускалось, кроме довольствия его армии, для населения области — 445 тысяч пудов, позднее больше. В общем наряде для армии и населения Кубань давала 60 процентов,** а Ставропольская губерния 40 процентов» («Донская Летопись», книга 3, стр. 366).

Из этого сообщения ген. А. Деникина видно, что с Кубани и Ставропольской губ. в июне 1919 г. Деникинъ взял для населения Дон. обл. 445 вагонов хлеба, а **потом брали больше**, и что Кубань давала 60 процентов всего, что требовалось для прокормления армии и населения.

Когда нужно клеветать на Кубань, то говорили, что Кубань не дала **ни одного фунта хлеба,** а когда нужно было «осадить» Донского Атамана, тогда говорят, **что Кубань давала 60 процентов для удовлетворения нужд армии и населения.** Где же правда?! Где же мораль и честность!

Кроме ежемесячно отпускавшихся с Кубани для армии зерновых продуктов, в срденем по 700 вагонов в месяц, было **отправлено для фронта,** с 1-го января по 1-е октября 1919 г., **134.128 пудов мясных продуктов на сумму 18.287.125 рублей.**

«При этом нужно принимать во внимание», говорит один из серьезных исследователей прошлой борьбы, «что все продукты доставлялись по твердым ценам, а не по рыночным. По последним ценам сумма отпущенного во много раз больше» (Г. Покровский. Деникинщина. 1923. Стр. 228).

Что часается вопроса специально о поставках продовольствия для Кавказской (Кубанской) армии. то Кубань, обыкновенно, отпускала ежемесячно для армии больше того, чем просило интендантство. Но беда была в том, что Кубань, отпуская ежемесячно для армии продукты, была лишена возможности контролировать самую перевозку продуктов в армию, ибо Деникин держал в своих руках всю работу по доставке питания в армию и кубанская власть за границы Кубани не распространялась. Управляющий ведомством продовольствия на Кубани доложил в заседании Кубанской Краевой Рады 28-го октября 1919 г. вопиющие факты разбазаривания, разграбления и т. д. деникинскими властями того колоссального количества разного добра, которое Кубань отпускала для довольствия армии (отчет о заседании Рады).

Например, еще в августе 1919 г. **следствием** было установлено, что В. В. Жуков — юрисконсульт Особого Совещания при Деникине и товарищ председателя служащих Особого Совещания — **продавал по 50 тысяч рублей удостоверения на вывоз с Кубани вагонов муки в Новороссийск** (правительственная газета «Вольная Кубань», 27 августа 1919 г.).

Несмотря на все это, ген. Врангель распространял в армии и среди населения самые нелепые, решительно противоречащие фактам, сведения об отношении Кубани к Кавказской армии. Например, в газете «Заря России» было помещено интервью с Врангелем, в котором имются такие места:

...«К сожалению, в самые тяжелые минуты, когда Армия истекает кровью, сдерживает напор в десять раз превосходящего ее силами противника, шаг за шагом отходя от Саратова к Царицыну, она этих забот не чувствовала. Вследствие тяжелых потерь полки дошли до состава сотен, очень много казаков осталось без лошадей. Между тем все мои просьбы к Кубани о помощи, начиная с конца июля, остались без удовлетворения. Я просил и требовал для армии помощи. **Но ни один казак, ни одна лошадь не прибыли на фронт...** Из ста тридцати одного вагона, которые должны были быть доставлены в июле для Армии, не пришло ни одного»... («Утро Юга», 26-X-19).

Эта клевета на Кубань была помещена во всех русских газетах.

Между тем фронтовые казаки-кубанцы, которых столько времени безнаказанно ген. Врангель настраивал против Законодательной Рады, ознакомившись из документальных докладов членов Кубанского Правительства в Краевой Раде о действительном положении дела, и поняв, как их на фронте бессовестно обманывали, сами начали рассказывать о глубоко возмутительных фактах, которые они наблюдали лично, проезжая из Царицына на Кубань. Часть этих наблюдений была распубликована в газете кубанских самостийников — «Кубанская Воля». Для примера приведем следующее:

«Голос фронтовиков. Один фронтовик рассказывает: станция Царицын буквально забита составами вагонов, **но их упорно почему-то не желают направлять в места погрузки продовольствия и фуража...**

Другой фронтовик обращает внимание на то, что **многие станции ближнего тыла забиты фуражом и провиантом, но незаметно стремления наладить транспорт от этих станций к тылам действующих частей, отстоящих от этих станций на сотню верст...**

Фронтовики единодушно заявляют, что напрасны жертвы Кубани лошадьми, так как через две недели по прибытии конских пополнений в строевые части лошади от полной бескормицы приходят в полную негодность». («Кубанская Воля», 2 ноября 1919 г.).

Как видим, Кубань только в руки интендантов Добровольческой, Донской и Кубанской армий отпустила в течение года 8.700 вагонов зерновых продуктов; кроме того, для Кавказской армии за 9 месяцев отпустила 134 тысячи пудов мяса; Кубанская Законодательная Рада в конце июля 1919 г. отпустила 42 миллиона рублей на закупку лошадей; на Кубани беспрерывно работали деникинские реквизиционные и ремонтные комиссии; сам Деникин признает, что из общего наряда для армии и населения Кубань сама давала 60 процентов; за отпущенное Кубанью по твердым ценам Кубани не заплатили свыше 200 миллионов рублей; кубанские казаки всюду сражались доблестно и достигли больших боевых успехов на Северном Кавказе, в Донбассе, на Маныче, на Волге, на Украине и т. д.

Несмотря на все это, русские единонеделимцы открыто и бессовестно клеветали на Кубань, лишь бы ее унизить в глазах населения и армии, лишь бы на самой Кубани посеять смуту, внести разложение и, воспользовавшись этим, произвести переворот, подготовлявшийся руками русских и некоторых кубанских генералов...

Следует обратить внимание еще на одно важное обстоятельство. Кубань не завела своего станка для

печатания кредитных билетов. Денежные знаки печатались на Дону — донские. Широко так же было поставлено печатание денег и в Добровольческой армии. Кубань получала кредитные билеты с донского печатного станка.

Естественно возникает вопрос: как распределялись денежные знаки, напечатанные на Дону? Как видно из доклада управляющего отделом финансов Всевеликого Войска донского М. В. Керженевского на Донском Кругу, с конца 1918 г. до конца октября 1919 г., на Дону было выпущено кредитных билетов на 9.488 миллионов рублей. Из этой суммы за тот же период было выдано:

Добровольческой армии	4.418	миллионов	рубл.
Дону	4.292	»	»
Кубани	610	»	»
Тереку	80	»	»

Кубань кормила всех, доблестные сыны Кубани поражали всюду большевизм — на Северном Кавказе, на Днепре, на Волге и на Донце и за все за это злобные носители идеи неделимой России, в октябре 1919 г., обволокли Кубань густою пеленой клеветы, насмешек, открытого издевательства...

Чтобы более ясно и точно можно было представить весьма большую работу Кубани в деле поставки продуктов питания для армии и населения, остановимся теперь, хотя в самых общих чертах, на описании того, что в этом деле происходило на Дону.

25-го октября 1919 г. Большой Войсковой Круг заслушал доклад председателя «Комиссии по обревизованию отдела продовольствия, транспортного отдела бывшей областной продовольственной Управы и органов главного Начальника военных снабжений и войскового интендантства по части заготовок и закупок последним продовольствия и фуража». Было Войсковому Кругу доложено, что ревизия пока еще не закончена и потому вполне исчерпывающего доклада о результатах работы Комиссии дать нельзя. Все же председатель Ревизионной Комиссии доложил следующее:

Работа интендантства. Выяснилось, что в работе интендантства не видно плана, нет системы. Работа интендантства, его закупки и заготовки носят случайный характер. С отчетностью дело обстоит плохо, надзор за подчиненными отсутствует, а между тем все это создает атмосферу крайне благоприятную для всякого рода злоупотреблений... Целый год подчиненные интендантству органы не имеют законной отчетности, но управление интендантства даже об этом не знает... Заготовитель не отчитывался еще в прежнем авансе, а ему выдают второй и третий... Встречались авансы совсем неожиданные. Например, несколько десятков тысяч рублей было выдано председателю судебно-следственной комиссии на... довольствие войск. Этот аванс до сих пор не возвращен. Крупные, на несколько миллионов рублей, заготовки поручаются иногда компаниям из нескольких родственников, что, конечно, ненормально. К поставщикам относятся, подчас, с совершенно излишней предупредительностью: бывали случаи, когда производился расчет с поставщиком, между тем, как в действительности, еще ничего не было поставлено... В самую смутную пору на Украине, когда там уже появились большевицкие войска, туда посылается из интендантства заготовитель с суммою денег в **три миллиона рублей.** Этот заготовитель так и пропал и, вместе с ним, 3 миллиона рублей. В делах интендантства нет никаких указаний, чтобы оно заинтересовалось этим случаем и предприняло какие-нибудь шаги к отысканию посланного и денег. Точно так же, никаких мер не принималось к отысканию и другого заготовителя с 800-ми тысячами рублей, отправленных туда же...

Транспортное дело. Отчетность по этому отделу оказалась в таком хаотическом состоянии, что ревизовать пока нечего, надо разобраться в документах и составить по ним книги... В этом отделе колоссальную ценность представляет тракторное имущество, из которого, по мнению докладчика, многое пропало бесследно. Сохранившееся надо учесть и тем спасти от дальнейшего расхищения... Это имущество прибыло в Ростов незадолго до большевицкого переворота в 13-ти поездах. По этому можно судить о его ценности и обширности, говорит докладчик. Отсутствие отчетности повело к тому, что фактические распорядители его стали смотреть на него, как на свое собственное. Каковы были порядки, можно видеть хотя бы из того, что один из распордителей подарил один трактор высшему учебному заведению в собственность, в благодарность за полученное в этом заведении образование...

Отдел продовольствия. И тут мало хорошего... Общее впечатление безотрадное. В деле продовольствия, как и в интендантстве, нет общего плана работы, нет системы, работа идет как-то по инерции. Получается впечатление, что сложили руки на груди, легли на спину и плывут по течению... Служащих масса, средства отпускаются колоссальные — казалось бы, отдел мог попытаться облегчить неимоверную тяготу жизни нашей, на деле же выходит нередко наоборот: плывя по течению и даже забегая вперед, отдел способствует бешеной спекуляции; не только не борется, но зачастую поощряет спекуляцию... Из отдела бухгалтерии в июне месяце были затребованы необходимые для ревизии сведения. Было обещано дать их через две недели, но до сих пор этих сведений не получено. Вследствие этого к ревизии приступлено только на днях.

Картина грустная: книги за 1918 г. до сих пор (октябрь 1919 г.) еще не закончены. Книги 1919 года обрываются — некоторые на феврале, другие — на марте месяце. Баланса в 1919 г. не выведено еще ни за один месяц. И это в государственном учреждении, ворочающем сотнями миллионов рублей. Ведь, в бухгалтерии, как в зеркале, должна отражаться вся жизнь учреждения; запутается бухгалтерия, запутается многое: помутнеет вода, а в мутной воде всегда найдутся охотники и рыбку ловить, поучал председатель Ревизионной Комиссии М. И. Мельников...

Отдел снабжения. Об отделе снабжения докладчик говорил следующее. Любопытно сопоставить, какими целями руководились, открывая этот отдел, и к каким результатам пришли. Целями задавались широкими: 1) учет запасов и тары, 2) заготовка предметов первой необходимости, 3) распределение предметов на нужды армии и населения, 4) наблюдение за ввозом и вывозом, 5) регистрация спекулятивных лиц и фирм и разработка мер по борьбе со спекуляцией и 6) организация товарообмена.

Благие намерения не осуществились... Отдел продовольствия обратился в какой-то торговый дом, в лавочку... Это не борьба со спекуляцией, это сама спекуляция, притом в самой отталкивающей форме, т. к. проделывается казенным учреждением.

Некто Асеев, имеющий фарбрики в Тамбовской и Пензенской губерниях, обратился в Отдел продовольствия с предложением поставки изделий своих фабрик, и отделение снабжения не только рассматривает это, по меньшей мере, преждевременное предложение, но вырабатывает договор, соглашаясь теперь же выдать аванс в 9-10 миллионов рублей. Любопытен тут и другой момент — начальный срок поставки: ...«Через **три** месяца после восстановления деятельности городских самоуправлений».

Средствами Донского Войска в 1918 году было заготовлено в Сальском округе сено для армии. Но по резолюции Донского Атамана Краснова это сено даром передали коннозаводчикам с тем, однако, что коннозаводчики должны возвратить это сено в 1919 году. Однако, до осени коннозаводчики сена не возвратили...

Союз рыбопромышленников обязался поставить для войска 35 тысяч пудов рыбы. Поставил в мае всего 4500 пудов и на этом покончил, а в июле и августе, по разрешению отдела проровольствия, вывез за пределы Войска 15 тысяч пудов. Теперь Союз заявляет, что рыбы нет, что у него ее лишь одна тысяча

пудов, и просит повысить цену с 85 рублей до 300 рублей.

Поставщик был обязан поставить отделу сельдь по выгодной цене. Сроки проходят, сельдь не приходит, но это не мешает отделу разрешить поставщику вывоз рыбы за пределы области и там наживаться... А теперь ходатайствуют о повышении цены на 215 рублей на пуде. Ничего почти не поставляется: Союз рыбопромышленников избавили от призыва по мобилизации и дали заработать большие деньги...

Фирма «В. и Б.» обязалась поставить 15 тысяч пудов каспийских сельдей и получила аванс в сумме 2 милл. 250 тысяч рублей. Договор заключен 15 июля. В момент составления договора имелось другое предложение, более выгодное, на рубль на пуде дешевле и рыбный промысел этого поставщика находился в наших пределах, тогда как фирма «Ваметов и Буданов» имела промыслы в Азербейджане. Более выгодное и осуществимое предложение отвергли. В результате: сельдей не получили, а аванс в сумме 2 милл. 250 тысяч выдали, при чем в торговых книгах фирмы записано на приход 2 милл. рублей, а четверть миллиона ушла неизвестно куда. Интересно при этом отметить и такое явление: договор заключили, фирма ничего не доставила, миллионы ей выдали, а попутно выдано и разрешение на вывоз рыбы за пределы Войска. В июле и августе «Ваметов и Буданов» вывезли из пределов Войска 100 вагонов сельдей, а когда на рынке сельдей не осталось, последовало запрещение вывоза.

Еще один кричащий факт: донской тыловой интендант заключил договор на поставку рыбы по 130 рублей за пуд в то время, как на рынке пуд стоил 50 рублей. По этому поводу Войсковой контролер бьет тревогу, шлет запросы. В ответ на это интендантство присылает краткое и вразумительное об'яснение: «Мы закупили дешево, так как Отдел продовольствия закупил по 180 рублей за пуд». Сравнение цифр говорит само за себя: 50 рубл. на рынке, 130 рубл. в интендатстве и 180 рубл. в Отделе продовольствия, печально повествовал председатель Ревизионной Комиссии.

«Какая может быть борьба с дороговизной, на что расчитывать издерганному, измученному обывателю, когда государственные **казачьи** учреждения таким образом швыряют вверенные им суммы», восклицал докладчик на Войсковом Кругу.

Скот и мясо. Скот, поступающий на убойную камеру, а оттуда в остывочную, а затем и в продажу, взвешивается единственный раз живым весом и только. Мясо продается и только после того высчитывается, сколько же мяса вышло из убитых животных, — другими словами, получится столько, сколько запишут, а все незаписанное идет благополучно в карман. Такая блестящая постановка привела к тому, что выход мяса — на бумаге, конечно, определяется в 40 процентов и даже в 32-33 процента, а остальное — от 60 процентов и даже до 65-67 процентов шло «в отход»...

Солонина. В декабре и январе донским Отделом продовольствия было засолено около 60 тысяч пудов солонины. Она быстро пропала тогда же зимой — войсковые части стали ее браковать, как совершенно негодную к довольствию казаков. Тогда Отдел продовольствия решил употребить эту совершенно невыгодную солонину на колбасы. Вся колбаса признана абсолютно негодной в пищу... Казна Войсковая понесла огромные убытки.

Другой случай. С фирмою Дуракова заключен договор на поставку 3-х тысяч пудов колбасы по 8 руб. за пуд. Однако, заведующий донским отделом продовольствия не взял этои колбасы, а в то же время освободили от военной службы рабочих этой фирмы, Дуракову выдали удостоверение на беспрепятственную закупку и прогон скота в Донскую область, **добивались, чтобы и Кубань разрешила Дуракову закупку и прогон скота.** На Кубани не поверили этим удостоверениям донского Отдела продовольствия и скота не дали...

Заготовка хлеба. В заготовке хлеба — ни плана, ни сметы. В результате — пустые амбары. Хотели спастись Кубанью, говорил докладчик, но с конвенциями ничего не вышло. В итоге за последние три месяца 1918 г. Отдела выполнил около 5 процентов заказа потребителей (200 вагонов, вместо 4.000). Первые 4 месяца текущего года дали результат и того хуже — выполнено меньше пяти процентов.

Донской хлебный отдел выплачивает комиссионеру некоему Молдавскому комиссионных только: за пуд пшеницы 11 рублей, муки — 13 рублей, ячменя и овса — 15 рублей. Молдавский получил от Одела около 12 с половиною миллионов комиссии и считает долгом за Отделом еще несколько миллионов рублей комиссионных.

Совершенно непонятно, за что, собственно, донской хлебный отдел платил Молдавскому такие колоссальные деньги, так как, как свидетельствовал председатель Ревизионной Комиссии, **заготовкой хлеба занималось Кубанское Правительство** и с этим Правительством рассчитывался донской отдел продовольствия, а Молдавский был всего лишь посредником...

В результате такой работы отдела запросы армии и населения выполнялись в среднем в размере 7 процентов, и только в последнее время 10-12 процентов; сена заготовлено только 0,8 процентов всего заказа, мяса — 4 процента, солонины — нуль процентов.

Кавказская армия снабжалась и снабжается мясом из Астраханских степей, покупая это мясо около 100 рубл. за пудъ живого веса. **Поставщиков было сколько угодно.** Но вот в сентябре появляется там приемочная комиссия донского отдела продовольствия и повышает **сама, без всякой к тому необходимости, цену почти вдвое**, переплачивая от 60 до 80 рублей на пуде живого веса.

В результате не оправдывается трата народных денег, поощрение спекуляции, голодание Кавказской армии... Докладчик далее констатировал перед Большим Войсковым Кругом факт ужаснаго взяточничества в донском отеделе продовольствия, где «И брали, и берут». Берут по разному... Берут определенную сумму за предоставление подряда, отчисляют около 10 процентов с оплачиваемого отделом счета, берут за снабжение деньгами под дубликаты и проч. — по разному берут... Берут с глаза на глаз в служебном кабинете, бывает и так, что на квартиру поставщика является «неизвестный», предлагает «устроить» дело, неналаживающееся ранее и проч., говорит докладчик М. И. Мельников.

Выше мы привели только выдержки из той части доклада М. Мельникова на Донском Кругу, которая была распубликована в газетах с разрешения донской цензуры («Приазовский Край», номер 243, 27 октября 1919 г.).

На донских верхах не было тогда самостийников. Деникин и Врангель в 1919 году не позволяли себе по адресу Дона бросать обвинения, так обильно сыпавшиеся по адресу Кубани...

(Продолжение следует).

В «БОЛЬШОМ СВЕТЕ»

Лига Наций отсрочила применение санкций против Италии до 18 ноября.

В Англии 14 ноября произойдут выборы в парламент. До выяснения результатов этих выборов вряд ли можно ожидать каких либо изменений в международной обстановке.

Италия продолжает военные операции в Африке и готовит борьбу с санкциями внутри государства и во внешнем мире.

В настоящий момент ни в Англии ни в Италии незаметно желания идти на уступки и сходить с занятых позиций.

Николай Посохов

Путями предков

(Продолжение).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Предположения доктора, что Джигит скоро умрет — не оправдались, видимо его звезда не скатилась еще с небесного свода, а только немного потускнела.

Казак станичник, сопровождавший его в лазарет на станцию Торговая, передал его попечению докторов. Вещи его, коня и седло повез в станицу, везя нерадостную весть его семье.

В большой светлой палатке походного госпиталя, в проходах между кроватями, на которых лежат раненые, тихо ходят снитары, разнося обед больным и кормя их. На одной из таких кроватей, с смертельно бледным лицом, с забинтованной головой, лежит Джигит. Рядом на стуле сидит его брат Петр, приехавший сюда, едва узнав о случившемся.

Пять дней прошло со дня ранения Джигита, но сознание к нему не возвращается. Несколько раз в день заходил брат в палату и садился около его кровати, стараясь уловить признаки возвращения к жизни. Вот и сейчас, перед обедом, зашел он навестить брата. Вдруг он заметил, что Джигит открыл глаза. Действительно, к раненому вернулось сознание. Уже несколько минут лежит он, собираясь с мыслями и стараясь понять, где он и почему так темно и тихо вокруг. Верно ночь и все спят — подумал он. «Да, хорошо было бы, если бы это был последний бой с русскими и конец войне», произнес он вслух, вспомнив почему-то слова, слышанные в беседе казаков, накануне боя, и едва заметная грустная улабка скользнула по его бескровному лицу.

— Коля, ты проснулся, слава Богу, склонился Петр над братом, целуя его в лоб через повязку, которой была забинтована голова.

— Петя, это ты? Где я и почему ты проснулся, когда все спят?

— Ты, Коля, ранен и лежишь в лазарете. Я, как только узнал об этом, взял отпуск и приехал сюда.

— Спасибо, брат. А почему ты не зажжешь света и сидишь в темноте?

— Да нет же, Коля, сейчас день и здесь светло...

— Так это у меня забинтована вся голова? продолжал Джигит, ощупывая рукой повязку.

— А глаза зачем же забинтованы? продолжал он.

Нет, Коля, глаза у тебя не забинтованы.

— Это верно, продолжал слабо Джигит, проводя рукой по глазам, но я ничего не вижу. Неужели я слепой?

Сестра, кормившая тяжело раненого, видя разговаривающих братьев, подошла к ним и, склонившись над Джигитом, сказала:

— Вы, сотник, тяжело ранены и доктор запретил утомлять вас разговорами. Слава Богу, что вы пришли в себя. Петр Иванович, оставьте больного, доктор очень боится за него.

Действительно, для Джигита эти несколько фраз стоили громадного усилия и он, взяв руку брата и прошептав чуть слышно: «я так устал», снова упал в забытье. Но это был уже сон, вливавший бодрость в разбитый, ослабленный большой потерей крови организм. Только глубокой ночью снова пробудился Джигит и в тишине ночи долго лежал он, стараясь что-то вспомнить: «Да, здесь был брат Петя, думал он, а я в лазарете.

— Петя!

Подошла сестра со словами:

— Сотникъ, вы проснулись? Вам надо что-нибудь? Хотите пить или кушать?

— Нет, сестрица, где мой брат? Я хочу только знать, почему здесь так темно?

— Нет, сотник, здесь горят свечи, но вы от ранения не видите. Но не падайте духом, доктор говорит, что это пройдет.

— Значит я еще буду видеть, милая сестрица?

Джигиту хотелось верить, что это так, но в душу закрадывалось сомнение и черное, тяжелое отчаяние охватывло его мысль.

Глубокое страдание при сознании, что он может лишиться дара видеть лица близких и красоту Божьего мира — убили в нем всякое желание жить и интересоваться чем-либо; пришла апатия... Дни и ночи лежал Джигит в лазарете. Еще больше увеличились нравственные страдания его, когда он почувствовал и сознал, что он обречен на безпрерывное лежание в кровати, так как кроме повреждения зрения, вся левая сторона его организма парализована. В такие безрадостные минуты душевных и физических страданий хочется быть с близкими, родными, чувствовать их ласку и уход и Джигит рвался к себе на родину. Доктор протестовал и не хотел позволить раненого перевозить в таком опасном состоянии и только подписка брата, данная доктору, что всю ответственность за последствия перевозки он берет на себя, убедили доктора дать согласие на перевозку его в Майкоп.

По приезде в родной город, Джигита положили в местный лазарет. Потянулась безконечная, однообразная лазаретная жизнь, но заботливый уход, молодой организм и жажда жизни взяли свое, а искусство специалиста доктора вернули ему зрение. Постепенно стал проходить и паралич и радостно снова стало на душе Джигита.

С казачьих фронтов приходили вести о все новых и новых победах и в душе Джигита росла и крепла надежда на скорое окончание войны.

Но все эти вести не могли заглушить смутного чувства боязни за будущее Казачества.

Казаки уже воевали на русской земле. А в казачьи станицы и города прибывали все новые и новые раненые, заполняя госпитали...

Был октябрь 1919 года. Безконечные дожди и сырость. Месяц подходил к концу. Ранение Джигита осложнилось и врачи нашли необходимым сделать операцию, для чего послали его в Екатеринодар, где в госпиталях были лучшие профессора и хирурги.

В Екатеринодаре ему удалось лечь в лучший госпиталь, оборудованный англичанами.

Осмотрев ранение, профессор сейчас же назначил операцию, которая удалась. Прошла неделя и Джигит стал выходить в лазаретный сад или же на улицу для прогулки. Соседями его в палате были три казака, среди них хорунжий Дикий, два калмыка, черкес и осетин.

Как-то так вышло или может быть нарочно так сделали, что эти все тяжело раненые казаки, казачий офицер и инородцы, боровшиеся вместе с казаками на фронте против красных, лежали в самом дальнем углу палаты. Здесь же была отведена кровать и для Джигита. Все кровати около окон в светлой части палаты заняты были русскими офицерами.

— Нашего полку прибыло, приветствовал хорунжий Дикий вновь прибывшего.

Радостны были и лица казаков при виде своего офицера, хотя они еще и не знали Джигита.

Быстро произошло сближение и соседи его часто обращались к нему со всякими смущавшими их вопросами.

Каждый день весь этот казачий угол собирался у кровати тяжело раненого калмыка, немогшего подняться с кровати, и кто-либо большей частью хорунжий Дикий, читал газету «Вольная Кубань» или же сводки с фронта.

Едва Джигит начал выходить в город, он разыскал своего друга по студенчеству и соратника по войне Иодковского Апполона, который сотрудничал в газете «Вольная Кубань».

Сотник Иодсковский стал часто навещать Джигита, приносил ему газеты и делился с ним и казаками мыслями о современном моменте, о жизни в городе и о скрытой борьбе казачьего Правительства с русской властью.

Часто, уходя от Джигита, провожаемый последним до ворот лазарета, прощаясь, он говорил:

— Как мы ни стараемся в прессе писать, что всем казакам надо об'единиться для защиты Казачьих Земель, не думая о завоевании России и восстановлении неделимой, есть много все-таки среди казачьих офицеров таких, которые не разделяют нашего мнения и вместе с русскими пишут и проповедуют поход на Москву. При Ставке Главнокомандующего есть целое учреждение, которое печатает газеты, брошюры и листовки, в которых хотят доказать, что казакам необходимо защищать именно русские интересы. Всюду посылаются русские агитаторы... Вообще, русских в городе очень много и они очень вредят Казачеству. Например, в Екатеринодаре сейчас две полиции: русская и казачья, а также и две контр-разведки. Русским не нравится наша газета и они уже угрожают закрыть ее. Ну, да поживем — увидим...

Однажды сестра госпиталя в начале ноября об'явила в палате, что вечером придет лектор для больных. Джигит, хорунжий Дикий, казаки и другие больные, которые могли ходить, перешли в другой уголъ палаты, где были поставлены кафедра и стол, заинтересованные нововведением и желая послушать лектора.

В 5 часов вечера в палату вошел и занял место на возвышении за столом упитанный, пышущий здоровьем молодой человек, лет 28-ми, в новой с иголочки форме вольноопределяющегося кирасирского Ее Величества полка.

Начал лектор рассказывать историю образования Российского Государства. Джигиту эта история была известна и, не желая других заражать зевотой, он ушел к своей кровати. Дикий тоже удалился к себе. Казаки прослушали лекцию до конца и, возвращаясь в угол, говорили:

— Что он рассказывает нам о России! Вот рассказал бы он нам, как казаки под Азовом с туркой дрались. Это было бы интереснее слушать, а там про каких-то варягов, которых русские позвали, чтобы они ими управляли, — это для нас не интересно. Значит, русские с самого начала не имели на плечах своих головы, чтобы выбрать из себя своего атамана, а поехали за границу искать себе управителя. Вот и теперь, говорят, там у русских управитель Ленин приехал из-за границы, а иные говорят, что он русский дворянин. А есть и такие, которые говорят, что он жид. Кто их разберет, где у них правда. Наши деды и отцы всегда говорили, что русский мужик задним умом думает. Ведь правда? Так я говорю, г-н сотник? — обратился казак Варивода к Джигиту, во все время этого рассуждения смотря на него, как-бы ища взглядом поддержки и сочувствия.

— Конечно, так, поддержал Джигит Вариводу.

Лектор, вольноопределяющийся Лыков, стал приходить каждый вечер в лазарет. Джигит и хорунжий Дикий оставались на кроватях. Казаки же ходили слушать. В палате было тихо и лежавшие больные тоже слышали почти все. Иногда лектор читал оперативные сводки, получавшиеся с фронта и добавлял, что добровольческая армия, занимая все новые пространства, усиливается и растет и скорое победное шествие к сердцу России Москве и созыв Учредительного Собрания не далеки...

Однажды, после лекции, Джигит остановил лектора, говоря:

— Г-н Лыков, разрешите узнать, где сражается ваш полк?

— Видите, г-н поручик, наш полк формируется.

— А... значит он уже был разбит красными?

— Никак нет, г-н поручик, с красными он еще не дрался. Мы в полку имеем только кадры, а когда будем на русской земле, то мобилизуем население и, так как кадры у нас сохранены, то, значит, сейчас же будет готов и полк. Сейчас в наших кадрах есть и казаки.

— Да, продолжал Джигит, это так же, как и Мариупольский полк, куда уехал мой станичник Чаплыгин. Он тоже все время формируется и туда тоже очень охотно принимают казаков...

Как-то лежа у себя на кровати во время лекции, Джигит услышал, что лектор говорит что-то о казаках. Заинтересовавшись, он приблизился к группе слушавших. Речь шла о периоде смутного времени; лектор рассказывал, как казаки помогли выбрать на царский престол первого Романова.

— Простите, г-н Лыков, я хочу вас спросить, обратилась кокетливо палатная сестра, жена русского сенатора из Екатеринослава: откуда произошли казаки и почему здесь в Ектеринодаре они считают себя хозяевами и не считаются с нами русскими? Я была по делу моего мужа у их военного министра и должна была целый час ждать, пока он меня принял, а разговаривая со мной, держал тебя так, как если бы перед ним была не жена сенатора, а самая обыкновенная женщина.

Казаки, присутствовавшие на лекции, многозначительно переглянулись. Они не долюбливали эту заносчивую сестру, которая более серьезно и более любовно занималась флиртом с легко раненым в ладонь руки русским поручиком, чем уходом за ранеными. К тому же, все больные видели, что, несмотря на зажившую уже руку, он продолжал оставаться в лазарете...

— Казаки, начал лектор, это беглые русские крестьяне, которые убегали в дикое поле на юге России от своих помещиков, от крепостной зависимости или же боясь наказания за кое-либо преступление.

Казаки сумрачно молчали. Джигит же, обращаясь к лектору, сказал:

— Простите, г-н Лыков, и разрешите мне указать на вашу ошибку. По вашему, казаки происходят от русских беглых мужиков. Как вы, так и я, мы учились в русской школе по одним и тем же учебникам. Знаю, что в этих учебниках так определяют происхождение казаков, потому что русскому правительству так выгодно. А вот я хочу, чтобы казак сказал сам, откуда казаки происходят. Слушай, Варивода, обратился он к стоявшему здесь казаку, правда, что твой прадед или какой-нибудь предок был русский мужик, убежавший на Кубань от своего барина?

— Никак нет, г-н сотник, это вольноопределяющийся брешет, да и вся его история брехня. Мой отец, дед и прадед были казаками. Да и кто ему поверит, что казаки от русских ведутся? Казаки с покон веков от казаков происходят.

— Вот, г-н Лыков, продолжал Джигит, вы слышали ответ казака, а теперь позвольте мне, как человеку прочитавшему много книг по русской истории, сделать некоторые логические выводы, а заключение, вы, как человек интеллигентный, сделаете сами, если ваша совесть не будет во вражде с логикой. Ответьте мне, когда были закрепощены крестьяне в России?

— Это произошло в 1549 году, в царствование Бориса Годунова, ответил лектор.

— Совершенно верно, продолжал Джигит. Значит, мужики могли начать убегать от своих панов только с 1594 года и за период с 1594 по 1613 год. т. е. в течении только лишь 19 лет, их столько убежало в Дикое Поле и так быстро за это короткое время они сумели создать такую стройную систему самоуправления и выработать свой особый быт и из безвольного русского мужика превратится в неустрашимого, вольного и лихого наездника и создать такое войско, которое, затем, в эпоху смутного времени, сыграло в Московии такую важную роль в истории русского государства. За эти 19 лет они стали таким важным политическим фактором, что даже поляки пытались привлечь их на свою сторону. Не думаю, чтобы кто-либо, здравомыслящий, мог допустить возможность образования в Диком Поле за 19 лет из русских беглых

мужиков громадные казачьи общины, по образу правления — Республики, которые в соседних державах даже своих послов. Я не отрицаю наличия таких беглых, но это были единицы: и они, ассимилируясь с казаками, у которых нашли приют, оказачивались и теряли всякую духовную связь с Россией. Это одно. А затем, вот и историки — Карамзин и Соловьев — пишут, что в Москве еще в царствование Иоанна третьего были казачьи зимовые станицы. Как вы думаете, что это такое? Неужели вам неизвестно, что это были казачьи посольства и русские цари не только терпели их у себя, но и отдавали им те же знаки уважения, как и всякому иному иностранному посольству? Разве стала бы Москва со своими беглыми мужиками сноситься через такие зимовые станицы, т. е. через посольства? Ведь это был бы абсурд...

— Я не отрицаю, г-н поручик, что казаки жили на Диком Поле до закрепощения крестьян, я только хотел сказать, что туда к казакам убегало много русских крестьян.

— А, это другой вопрос, ответил Джигит. Казаки существовали, продолжал он, отдельно от России и имели свое государство, но Россия постепенно завоевала и подчинила их, но русскими не сделала, заключил он.

Лектор начал терять самообладание и свой уверенный тон, видя, что неумолимая логика была против него. И он решил применить общее, в таких случаях для русских, средство.

— Вы, г-н поручик, рассуждаете так, как некоторые в Казачьей Раде и в Правительстве, которые не понимают общего блага и общей пользы, не хотят воевать с большевиками и восстанавливать Россию, а думают только об устройстве своего казачьего государства и о его защите от большевиков, играя на руку немцам, которые хотят разделения России. Эти господа в Раде и в Правительстве доказывают свою солидарность с большевиками.

— Г-н вольноопределяющийся, начал, покраснев от негодования, Джигит, так по вашему, казачьи вожди и патриоты, которые хотят уберечь Казачество от непоправимой ошибки и намерены вести его по его историческому пути — большевики? Нет, милостивый государь, они одни и только они правильно понимают пользу и благо Казачества, стараясь удержать его от вмешательства в русскую войну. Пока мы освобождали свою родную территорию, война для нас была необходима, как самозащита от вторгшихся к нам русских, завоевательной же войны казаки не хотят. Если вам надо завоевывать Россию, то воюйте сами, хотя вы понимаете, что вам, добровольцам, не победить всей русской красной армии, руководимой русскими же офицерами и генералами. Только казаки могут противостоять ей, ибо казаками руководит непобедимая идея освобождения своей родины от вторжения насильников. Все ваши Добровольческие полки, Дроздовский, Алексеевский, Корниловский и пр., состоят в большинстве из казаков и только малый процент в них русских офицеров. А вы, русские агитаторы и политики, хотите затянуть казаков на Московскую дорогу с помощью казачьих Иуд, которых мы, к несчастью, имеем даже в Правительстве... Вы своими лекциями только затуманиваете казачьи головы, тех казаков, кто понимает вашу работу, вы называете большевиками. Уже одно то, что казаки отделились от России, стали на свой исконный путь и не признали советов, доказывает, что казак по духу не может быть большевиком. Большевизм несут русские и это вам еще одно доказательство того, что казаки произошли не от русских и представляют народ совершенно особый, отличающийся от русского народа по духу, по историческим и бытовым условиям жизни. До сих пор у нас, казаков, с русскими, было общее — вера. Но так как сейчас у русских большевиков вера гонима и они, отрицая Бога, проповедуют безбожие, то теперь у нас с ними нет ничего общего. Вы пришли к нам, в страну порядка и законности, и, обкормившись белым казачьим хлебом, хотите затянуть казаков на путь завоевательной войны с Россией. Посмотрите на всех этих искалеченных казаков. По вашему, они тоже большевики? А чья сейчас кровь льется для защиты казачьей родины? Да казачья же. По вашему, это большевики воюют и умирают в неравной борьбе? Нет, милостивый государь, это не большевики, а герои, патриоты казаки и только вы и подобные вам не понимают этой великой и святой жертвы, т. к. вам вообще не свойственно чувство патриотизма.

От сильного негодования и волнения кровь прилила к лицу Джигита. При последних словах комок горечи подступил к горлу, колени ослабели, лицо покрылось смертельной бледностью и, покачнувшись, он упал на пол. В палате воцарилось глубокое молчание. Лектор виновато переводил глаза с одного слушателя на другого. Виновато молчала, опустив взор в землю, и палатная сестра. Сумрачны были взгляды казаков.

Вдруг сестра, как бы вспомнив о своих обязанностях и видя, что прибежавшие санитары подняли упавшего и положили на его кровать, бросилась искать дежурного врача. Казак Варивода первый нарушил молчание, обращаясь к лектору:

— Лучше бы вы, г-н вольноопределяющийся, читали свою лекцию своим солдатам, а нам, вам нечего морочить голову сказками. Если нам что-либо понадобиться или мы чего-нибудь не поймем, то нам об'яснят наши офицеры.

Казаки, калмык и черкес ушли к своим кроватям.

Прибежавший с сестрой дежурный врач начал приводить в сознание Джигита, давая сестре и санитарам краткие указания, что надо делать. Лектора доктор попросил выйти из палаты. Минут через десять Джигит пришел в себя. Открыв глаза, он увидел сидевшую у кровати сестру.

— Как вы себя чувствуете? спросила она.

— Сейчас хорошо...

От только что перенесенного волнения он чувствовал себя страшно утомленным, а во всем мозгу не было ни одной мысли. Хорунжий Дикий, казаки, черкес и калмык подошли к кровати Джигита. Хорунжий Дикий начал было говорить:

— И охота тебе была связываться с этим орателем, как его называют казаки.

— Не выдержал, ответил слабым, усталым голосом Джигит.

Видя утомление и слабость его, подошедшие удалились. Уходя, хорунжий Дикий сказал:

— Отдохни, брат, и забудь этого типа.

Доктор, уходя, отдал распоряжение сестре, чтобы лектор устраивал свои лекции в другой палате.

(Продолжение следует).

ИНТЕРЕСНЫЙ РЕФЕРЕНДУМ

Одна парижская газета устроила интересный референдум (опрос) среди французов. Было предложено дать ответы на следующие три вопроса: 1. Стоите ли вы за полный нейтралитет Франции в итало-абиссинском конфликте? 2. Являетесь ли вы сторонником экономических санкций? 3. Являетесь ли сторонником военных санкций?

Ответы таковы: за нейтралитет 4.573.565 голосов; за экономические санкции — 4.881.594 и за войну — 11209.

Интересно, что за санкции голосовали левые организации, а за нейтралитет — правые и национальные. Это значит, что правый и национальный сектор французского общественного мнения симпатизирует Италии и не хочет воевать с ней из-за Абиссинии, а левые не прочь под благовидным предлогом вставить палки в колесницу итальянскому фашизму — по соображениям, конечно, партийным.

Чужинец

Донские казаки и земство в 1878 году

Казачьи волнения на Дону в 1877-89 г.г. были последним более или менее заметным проявлением протеста казачьей массы против уничтожения донской автономии.

Царствование имп. Александра II ознаменовано было рядом систематических мероприятий, направленных к уничтожению **особности** Казачества в составе населения Российской Империи, к уравнению казачьих Краев с другими провинциями Империи.

Историческое имя **Земля Войска Донского,** напомнившее о былом государственном прошлом Донского Края, а затем об его автономном устройстве в составе Импеии — заменено было названием **Области Войска Донского.** Краевые дела были распределены по отдельным имперским ведомствам. Финансовая автономия Войска была уничтожена. Выборное начало в областном и окружном управлении Войска было отменено. Введены обще имперские судебные установления, но одновременно сохранена дисциплинарная власть атамана и войсковой администрации над казаками, даже во время пребывания их в станице, вне военной службы. Казачество осталось по прежнему прикреплено к его особому служению, со снаряжением за свой счет и т. п.; за то донское дворянство было почти полностью раскрепощено в этом отношении.

Земли Войска, захваченные дворянством, закреплены за захватчиками. Сверх того, единовременно наделены земельными участками из войскового запаса донские офицеры и чиновники. Остатки автономии казачества в области податной сведены на нет. Станичное управление и суд приближены к типу общеимперского сословного крестьянского управления и т. д.[1]).

Казачество остро ощущало перемены, происходившие в его правовом положении, но не ясно представляло, что из новизны, вводимой на Дону, было ему на пользу, и что на вред. Оно инстинктивно стояло за сохранение старого распорядка, старых форм, хотя бы содержание этих форм и было утрачено. Самое трагическое недоразумение разыгралось на Дону с земским самоуправлением, которое было введено здесь с опозданием против губерний Европейской России больше, чем на десять лет. Казачья масса отвергла эту реформу весьма решительно, и борьбе против земства на Дону и посвящены будут дальнейшие строки. Трагедия, по нашему мнению, заключалась в том, что казачество отрицало не принцип самоуправления (в центре и на местах). Оно хотело властного краевого самоуправления по всем делам, а не только по хозяйственным. Правительство же в Петербурге истолковывало казачий протест против земства, как желание казачьей массы остаться под безконтрольным управлением местных казачьих властей, как отрицание самоуправления населения даже по хозяйственным вопросам.

Параллельно с вопросом правовым углубился и обострился в казачьих краях вопрос социальный. Он освещен был и в официальных бумагах, и в журнальных статьях легальной печати, и в революционных воззваниях и в подпольной печати.

Острое ухудшение казачьей экономической жизни, вызванное жертвами, понесенными казачеством в эпоху Крымской войны, продолжалось и в 60-70-х годах. Турецкая война еще более тяжко отразилась на казачестве.

В самом деле, в эту войну «были случаи продажи всего имущества казаками, чтобы уплатить за снаряжение на службу»; «раздавали детей, так как в отсутствие отца невозможно было их содержать; казачки брались за косу и шли в косари к зажиточным людям. Сотрудник московского «Юридического Вестника» Борисов писал: «Последняя война потрясла до основания экономические силы донского населения. Еще один поход и казачество обратится в толпу нищих»...[2])

Причиною столь тяжкого положения казачьей массы было уменьшение более, чем вдвое, земельных казачьих наделов. Как раз в 1878 г. был произведен официальный подсчет фактического размера наделов, вместо установленного в 1835 г. тридцатидесятинного. Вот официальная таблица по округам:

Название округа	Размер надела		
	наименьш.	наибольш.	средний
Черкасский	13.3	40.2	22.5
Донецкий	15.	24.	16.9
1-й Донской	14.6	20.9	16.5
2-й Донской	16.2	24.3	20.3
Усть-Медведицкий	15.6	24.8	18.4
Хоперский	14.5	25.2	17.4
Миусский	—	—	26.1
По всей области.[3])			18.6

Однако, по подсчетам Борисова, более половины станиц имело наделы ниже 20 десятин, а минимум доходил до 11-12 дес.

За ростом казачьего недовольства следили с одной стороны — политическая полиция в лице отдельного корпуса жандармов, — с другой — революционеры. 2 авг. 1877 г. Валуев отметил в своем дневнике, что «генерал Тимашев писал военному министру Милютину, посылая ему телеграмму (полученную) из Новочеркасска, где запальчиво говорится о ропоте казаков».[1])

Орган революционных народников, печатавшийся в тайной типографии, «Земля и Воля» пожелал иметь статью об отношении казаков к земству. Один из членов партии, заехавший на Дон, послал им такую статью, но она пришла с опозданием, осталась в архиве редакции и увидела свет лишь в 1932 г.[2]) Хотя статья эта писана и не казаком, даже не донским уроженцем, однако, — по словам автора, — все, что он говорит про казаков, «это все их собственные мысли, их собственные думы». Вот почему мы считаем нужным дать здесь обширные выписки из этой статьи.[3])

Донские козацкие[4]) общества, — писал автор, — переживают в настоящее время важный для их козацких вольностей момент. Земский вопрос заостряется все более и более. Русское правительство вот уже почти два года старается, хотя пока и безуспешно,

[1]) Обо всех этих мерах см. подробно в книге Сватикова «Россия и Дон», главы XXXШ-XXXV.

[2]) Левъ Борисовъ «Донское земство», «Юридич. Вестник», 1881, № 1, стр. 91-95.

[3]) Еремеев. «Земство и Казачество», «Русск. Богатство», 1880, № 11, стр. 49.

[1]) Валуев. «Дневник», Пгр. 1919, стр. 15.

[2]) Автор ее, повидимому, революционер А. А. Квятковский, который со своим другом, донским землевольцем М. Р. Поповым, с июня по ноябрь 1878 г. об'езжал Воронежскую губернию с революционными целями. Повидимому, этим временем заехал он и на Дон.

[3]) (А. Квятковский), «Статья о введении земства на Дону». — «Архив «Земли и Воли» и «Нар. Воли», Москва, 1932, стр. 307 и сл.

[4]) Квятковский всюду пишет «козак» через о.

отнимать своею хищнической лапою еще как-то уцелевшие казацкие вольности, подогнать донских казаков под одну и ту-же мерку, мерку русского обывателя... Правительство вводит земские учреждения в казацкие округа, в казацкие станицы»...

Чтобы об'яснить отношение казаков к земству, Квятковский сравнивал отношение крестьян и казаков к земле, точнее к землевладению. Для мужика — земля — «Божья, если хотите, царская», не Александра II-го, а царя, как идеи.

У «станичников»-же — совершенно определенное представление о поземельной собственности. «Козак считает безусловно землю своею (конечно, здесь говорится только о районе, занимаемом козаками). Он не признает ни за кем права распоряжаться козацкою землей, помимо себя, помимо козацких обществ. Исключение они не допускают и для царя. Впрочем, они не допускают даже мысли, чтоб царь захотел урезать или отнять у них землю.

«Откуда же ведет свое начало такое отношение к земле? Ответ может выразиться в фразе, сказанной козаком во время разговора об этом предмете: — «Кровью мы ее добыли, — кровью и отдадим». Да, именно. Она ихняя, она в их владении не благодаря чьей либо милости; им ее никто не подарил, никто не пожаловал задарма, они ее завоевали, они ее сами своими силами, «своей кровью добыли», никто не смеет безнаказанно у них отнять»...

«Отсюда... вытекает все отношение козаков к попользновению наложить на землю чуждую для них руку. Введение земских учреждений это один из видов такого посягательства... Отсюда... неудовольствие и сопротивление казаков... Как, на их собственную землю хотят наложить какую-то тягость, повинность?.. Они очень хорошо понимают, что подпиши они только свое согласие, хотя платить только по одной копейки с десятины, они этим самым отказываются от своего права на землю, они, так сказать, сами прорубают проход, лазейку и для... дальнейшего распоряжения их землею, как начальству заблагоразсудится... Они даже инстинктивно чувствуют, что уступи они здесь, и для их козацкой вольности, козацкой особенности — посколько она еще осталась — настанет последний час...

«Да и кроме вопроса земельного здесь земский вопрос также касается и козацкого самоуправления. Теперь у них свое, козацкое управление, они по своему свои дела ведают, а тут хотят навязать им что-то другое, не ихнее. Для чего, зачем? Насколько они наслышаны, у русских земство, кроме одной лишней тяготы почти ничего не дает»...

«Дело, пока, только в пассивном сопротивлении. Но люди, живущие с козаками, покачивают головою и уверяют, что, если захотят непременно ввести земство, дело этим не кончится: козаки не задумаются «принять в пики» посягателей, чтоб отстоять свои права»...

Для того, чтобы нагляднее представить российским читателям казачью психологию, Квятковский записал дословно разговор с одним казаком:

«На вопрос мой — писал Квятковский: «Ну, как у вас насчет земства, ввели?» — казак ответил: «Нет, еще погодим».

— «А уж приезжали разве?»

— «Были уж, да ни с чем от'ехали».

— «Что так, аль не хотите?»

— «Чего-ж тут хотеть? Совсем это они напрасно вздумали».

— «Начальство какое было, уговаривали?»

— «Было всего. Собрали нас всех, и из хуторов, в станицу. Приехал и атаман (станичный) и еще с ним чиновник какой-то из сената, сказывают, послан. Говорят, что немного придется платить, а то несколько лет и совсем не будете; хватит, мол, войсковых денег. Только, слышь ты, подпишитесь, говорят, больше ничего не надо. Нет, знаем мы эту штуку. Только подпишешь, а там и пойдут. Чуть какая неуправка, сейчас скот продавать, хлеб на корню. Ведь тоже мы слышим, как у мужиков то делается...

— «Ведь мужики то платят, а у них меньше вашего земли».

— «То — мужики, а то — мы, козаки. Там им царь дал землю, ну и плати они за нее. А это наша земля, собственная. Так, что-же, за свою землю и плати».

— «Почему-ж она ваша: все равно, что у крестьян, то и у вас».

— «Нет, милый человек, не дело ты говоришь. Она — наша, понимаешь, собственная. Никто нам ее не дарил»...

— «Ну, так как же вы с начальством-то, что приехали?»

— «Да что, так и сказали атаману, что, мол, и платить не будем, и подписывать не будем. Никогда, мол, казаки не платили за землю и не будут. И уходи ты, атаман, добром лучше. А этому крючку, что с ним приехал, так с ним и разговаривать не стали. Не знаем, мол, кто ты такое есть; убирайся-ка лучше восвояси. Что-ж, ничего не поделали, так и уехали. Царь, говорят, велел платить; царь, говорят, хочет ввести земство. Да брешут: царю зачем: царь сам знает, что не след платить»...

— «А, ведь знаешь ты что, станичник, ведь, захотят, введут».

— «Известное дело. Захотят, так введут. Только я тебе вот что скажу, захоти и мы, так ничего и они не поделают. Ведь тоже и мы — сила, и у нас войска не мало. Только надо дружно стоять всем сообща. А то пропало наше дело. Сам знаешь. Вот метла, по прутику всю можно переломить, а попробуй-ка ее всю сразу, ан твое дело и не выйдет»...

— «А как слышно, крепко стоят в других станицах?

— «Пока, слава Богу, держатся все согласно. Никто не отстает»...

Автору статьи захотелось проверить, как отнесется казак к уравнению казаков с крестьянами, и он спросил старика: «Вот, слышал я, что совсем отнимут у вас землю. Уравнение, говорят, будет. Всем поровну, что мужику, что казаку, всем по 8 десятин»...

По словам Квятковского, «видно было, что и этому казаку этот слух известен, и что это больное место козаков».

— «Пущай попробуют, — сердито возразил казак. Пущай берут хоть всю. Только уж и службы тогда от нас не жди царь. Да нет, — с сердцем продолжал он, — все это пустое, никогда этому не бывать»...

Помимо подробного изложения беседы с «этим типическим представителем козачества», Квятковский сообщал центру: «Земли и Воли», что «козаки очень недовольны (русско-турецкой) войною. Причиною недовольства служили, впрочем, вещи у нас обыкновенные: голодовка, лишения всевозможные, и к тому же вопиющее обкрадывание козацкого жалованья начальством. Козаки думали, надеялись, что царь непременно пожалует их чем нибудь за военные подвиги. Не тут-то было. Возвратившись, козаки узнают, что не только что каких милостей им можно ожидать, но и на их собственность хотят посягнуть. Понятно, что это еще больше волнует и возбуждает козаков.

«Что правительство не надется на мирное покорение козаков, — добавлял Квятковский, — доказывает то, что, против обыкновенія, у козаков, возвратившихся с войны отняли оружие, а артиллерию козацкую, которая прежде стояла при своих полках, в станицах, всю оставили в Новочеркасске».

В заключение Квятковский сознавался, что «козаки производят лучшее впечатление, чем наш народ — мужики, — по своей солидарности, по своему живому интересу к общественным делам»...

Интереснеее всего то, что этот революционер (Квятковский был храбрым и решительным человеком, 4 ноября 1880 г. он погиб на виселице, как террорист), этот народник, искавший сочувствия в народе, написавши подобную статью о демократическом казачестве и борьше его за автономию, и не подумал остаться на Дону и войти в общение с казачьей интеллигенцией. Он отправился подыскивать место для революционных «поселений в народе» в свою, русскую, Воронежскую губернию, среди крестьян.

В дополнение к сведения Квятковского о Доне, до-

бавим отрывки из корреспонденций с Дона, опубликованных в легальной и нелегальной печати. Плеханов писал «из станицы Каменской» в революционную «Землю и Волю»*) о злоупотреблениях полкового начальства походных казачьих полков, возвратившихся с войны: «Казаки Донецкого округа, где волнения приняли большие размеры, составляли 3-й Орлова полк, имеющий самое большое число георгиевских кавалеров и отличившийся в забалканском походе. Эти герои возвращались домой и без того сильно раздраженные мошенничеством их полкового командира, полковника Грекова, заменившего Орлова. По рассказам казаков, он не выдавал им совсем фуражу для лошадей, между тем как сам получал по два с половиною рубля за каждый пуд сена, которое он будто бы выдавал лошадям. На возвратном пути, при посадке на железную дорогу, казаки, если верить их рассказам, «приняли его в нагайки». После этого скандала был вызван прежний командир полка Орлов, который и взялся умиротворить казаков. На площади в нашей станице происходил публичный торг казаков с Орловым. Он предложил казакам 7.000 руб с тем, чтобы они прекратили всякое неудовольствие на Грекова. Казаки насчитали, что он украл у них 200.000, и требовали их сполна, грозя в противном случае подать жалобу. В конце концов, согласились на 25.000 руб. После этого они разошлись по домам и, разумеется, только усилят собою контингент недовольных правительством*).

Любопытно отметить, что автор корреспонденции в легальный журнал писал резче, чем революционер в подпольный орган. Борисов писал в «Юридический Вестник» о **сорока** командирах казачьих полков, успевших «казну за хвост подержать» и вернувшихся на Дон с войны с десятками тысяч рублей в кармане.

Но все эти злоупотребления казачьей старшины были явлением преходящим. Главными вопросами для тогдашнего Дона был вопрос о возрождени старой автономии в центре края и на местах, а также вопрос земельный. Казачество увидело врага в «земском положении» 1875 года (вводить его начали в 1876 г), в обложении земли земскими сборами, и ответило неприятием этого положения. Из 112 станиц — 68 отказались платить земские сборы, а 34 (почти треть) не пожелали и избирать земских гласных.

Попытки применения на Дону нового лесного закона (Правил о надзоре и охране станичных лесов 22 февр. 1877 г.) едва не вызвала настоящего вооруженного восстания в 1878 г. Этими правилами охрана лесов вверялась земству, а казачество увидело в этом начало отнятия у станиц их векового права на угодья, предвещавшее отнятие у них и права на землю.

*) Его статья помещена в № 2, вышедшем 15 дек. 1878 года.

*) Соч. Г. В. Плеханова, т. I, ч. 1 и 2, Женева, 1905, 1-5.

Павел Поляков

Хлестаковщина

(ВМЕСТО ФЕЛЬЕТОНА).

Приезд в Белград г. Граббе, бесконечные разговоры о «выборах» Донского Атамана, все это уже так надоело, что если бы не чрезмерное внимание, усиленное частью старшины и частью рядового казачества Граббевской комедии, — на ней и останавливаться не стоило бы.

Однако, поскольку наша старшина, а особенно русские кандидаты в старшину показали себя здесь во всей своей красоте, мне хочется кое чем поделиться с читателем дабы имел он более полное представление о «выборах».

Давно, с самого начала, следил я с неослабеваемым вниманием за маневрами господ Красновых, Оприцев и прочих, считающих Дон «царской вотчиной», но молчал, ожидая завершения всей этой недостойной игры. И, наконец, дождался.

Поистине — «Тщетны россам все препоны»...

Ни Донские законы, ни соображения морального порядка, ни вопросы чести, ничто не осталось не оскверненными. Все втоптано в грязь, все исковеркано — в одном лишь стремлении: посадить на атаманство своего человека...

Вернемся немного назад.

Революция.

На Дону заседает Донской исполнительный комитет. В нем — два течения. Первое, во главе с адвокатом Андр. Ив. Петровским, хочет провести в Донские Атамана Волошинова, а второе, с полковником Захаровым, — его, Захарова.

Для начала необходимо убрать десять месяцев сидящего на Дону наказного Граббе...

Как сие произошло, у нас уже было рассказано.

Взяли его под белые ручки и сказали:

«Драпай, вася-ся! Дело, говорят, мылом пахнет».

Не знаю, полагается ли это Донскому атаману, но Граббе, захватив чемоданы, махнул в Ростов, где его и подобрал проезжавший Николай Николаевич.

Вспоминая, видимо, это событие и сказал Граббе французскому журналисту, что он, Граббе, «во главе войска.... пядь за пядью... отстаивал свою землю!» (Уж не станичник ли этот журналист, по фамилии Соломон, господину Граббе и не родственник ли по какой нибудь линии?).

Но оставим пока доблестного графа его граббевцам.

Хочется мне представить донцам еще одну фигуру, нашего Белградского производства, но с маркой «made in Russia» Звать его Владимиром Кутыриным.

Неизвестно при каком князе первый Кутырин «службу нес»; неизвестно также, поднимал ли он, и каким способом, гири и смешил ли тем князя до слез (полагаю, что казакам известно знаменитое российское произведение о некоем сильном человеке), — известно только, что в Тамбовской губернии имелся помещик Кутырин. Как они женились, венчались и размножались, тоже по русской же песне: — «Чай пила я, булки ела, — позабыла, с кем сидела», — не известно. Известно одно: появился в оперативном отделении штаба Всевеликого Войска Донского некий, бежавший из России, инженерных войск поручик Кутырин.

Послала его туда Доброволия — сиди оком и ухом нашим. Оно и сидело.

Это картина первая.

Картина же вторая — Екатеринодар. Станция. Пьянство. Полез в карман за револьвером господин Кутырин, а он, чорт его побери, видимо, тоже пьян был, да как ахнет, да пулю Кутырину в ногу. Конечно, Кутырин не виноват, с пьяных глаз и родного отца застрелить можно. С кем греха не случалось!.. Вот с этих то пор и стал Кутырин боевым офицером и войсковым старшиной себя именует. Здесь он и инвалидное пособие получает. Словом, кровь проливал.

Вот этот-то самострел состоит теперь атаманом Красновской станицы. Ездил он и на Зарубежный с'езд. Нигде он не служит, нигде не работает, но деньги у него есть. Пьет он и Россию спасает. Кутыринцы говорят, что у него, мол, жена доктор, она здорово зарабатывает и герою своему на патриотическую деятельность деньги отпускает. Исполняй, мол, мущинский долг!

Не знаю. Может быть и так...

Спрашивали его, какой он станицы. — Пятиизбянской, говорит.

Отыскался какой-то дед пятиизбянской станицы, повертел головой — «брешет, — у нас таких не было!»

Тогда Кутырин об'явил: «Я с хутора Фролова!»

Нашлись и Кременские казаки. «Обратно, говорят, брешет, не было такого во всем округе».

Теперь Кутырин в такие подробности не входит. Экая, скажите на милость, важность — какой станицы! Не все ли равно! Да он — вообще казак!

Вот этот то «казак» и занялся выборами Донского Атамана.

Для начала господин Кутырин полетел куда-то на аэроплане.

Прилетел и доложил на станичном сборе, что был он в Берлине, что весь Берлин за Краснова, что после этого был у Краснова в Париже и что Краснов согласился быть избранным вождем всего казачества, а Донским Атаманом должен быть Граббе. Но, спустя некоторое время, некий Персиянов доказал, что не только Краснов в вожди не лезет, но что Кутырин у него не был.

Тем, что ложь открылась, Кутырин нисколько не смутился. Даже не нашлось ни одного Кутыринца, который бы спросил его: «а что-же ты, кормилец, брехал-то нам, а?» Видимо, для Кутыринцев всякое его слово — Божья роса! Но главное — вернулся Кутырин с деньгами.

И решил не стесняться.

Несмотря на то, что Центральной комиссией была признана на Югославию комиссия ген. Рудакова, Кутырин образовывает свою и эту, самозванную комиссию, Парижская «отступя от §..». признает!

Увидев, таким образом, с кем он имеет дело, Кутырин открыл «голосование».

500 слишком голосов пошло из Югославии за Граббе. Из них 230 из Белграда.

Мы здесь в Белграде живем, донцов на печерет знаем и посему немного усумнились. Проверять стали. И что-же! Оказывается, около 300 человек — мертвых душ.

А трудилась одна бывшая институтка сербка, по службе кое от кого зависящая. Она голосующий народ изображала. Дали ей чернила разных сортов, карандаши и прочее, она и работала.

Есть, например, казак Панков. Он за Граббе голос подал, а помер 3 года назад.

Есть 5 Концовых голосовавших, а их всего в Белграде 2.

Поляковых — видимо-невидимо. Есть из Николаев в Иваны переделаны. После, карандашиком. Чтобы не было в Париже сомнительно. Что за чорт, скажут, одних Николаев Поляковых подряд 7 штук!

Есть 2 терца, Бугаев и Белогорцев. Последний так и неизвестно где.

Всю эту фабрикацию и послали в Париж. И графа — «выбрали».

Ежели же это не так, — то предлагаю господину графу прислать все Кутыринские списки в Белград в Комиссию ген. Рудакова. И нашего представителя к проверке всемилостивейше допустить. Тогда и не такого еще напишем.

Меня не удивляет самый факт того, что имеется бесчестный нахал, делающий свое дело. Этаких на Руси, слава Господу, сразу непреворот было. Но я все-же не могу понять, где же глаза у двух десятков живых Кутыринцев? Или у них тоже ни совести, ни чести, ничего святого нет?

Что-же! В конце концов, я против ничего не имею! И Чичиковым чем то жить надо. Чем ниже морально наши враги, тем нам лучше.

Итак, его «выбрали».

Тогда оно вышло и поклялось на верность Донским законм. После этого оно говорило о том, что «Донцы должны снова сыграть роль Межаковых»; оно толковало казакам о воинах, которых оно поведет «восстанавливать Россию»... И, ей-Богу не вру, — пообещал уже пароходы, но «где высадимся, — сказать не могу, а главное — за них платить нужно»...

Мне совершенно не понятно такая беззастенчивая игра. Или ты воскрешай Деникинщину и иди за нее честно и открыто. Или служи Дону, отечеству своему, самостоятельной республике — государству!

Даже бывший свитский генерал, даже бывший граф, даже просто к 7 десятку подошедший человек должен иметь хоть крупицу политической честности.

И, кроме того, надо знать, что теперь обманывать людей все труднее и труднее. Теперь брехня — самое последнее оружие. Невольно вспоминается старая татарская пословица «Шестьдесят года прошел — ума назад пошел».

В данном случае она оправдалась полностью. Разве не лучше было бы, если бы господин граф открыто заявил, что за Московские перезвоны он не только Дон в трубу готов загнать, но что готов и живот свой за царя отдать! Было бы честно.

Хотя, кажется мне, случай такой ему представлялся. Но тогда он за царя не погиб. Или решил воздержаться? А теперь, между прочим, нам говорят черноморцы «царя чорт ма»...

Да, лучше, гораздо лучше бы было, скажем, поступить по примеру Каледина. Дон — пал. Атаман застрелился. Царя ухлопали. Граббе — вешается. Но не тут-то было. Он, извольте видеть, присягает на верность самостийным законам Донской Республики.

Или действительно столь заманчива жизнь в доме для престарелых в должности церковного пономаря! И Кутырин, и Граббе, и вся кампания их противна до омерзения.

В Белграде об'явлено, что граф скоро пришлет «карточки», которые раздадут донцам — тем, кто голосовал.

А тем, кто их иметь не будет, ни помощи, мол, ни поддержки, ни хлопот за него — знать его хотеть не будут. А «алжирцев» так и вовсе из Донского войска «исключат».

Самостийников-же в тар-тарары...

Вот это будет здорово.

Что-же, мы ждем, приезжйте, граф, и начинайте, окстясь. Не будем и мы молча терпеть. Милости просим.

«Если вы об'единитесь, то мы получим деньги в Лиге Наций. 3 миллиона — вот они, висят, нужно только руки протянуть» — ошарашил своих верноподданных Граббе.

И народ полез.

Николаев, калмык, почти всю колонию привел — «а способий давать будиш?»

«В Прагу, говорит Граббе, не еду, — спешно в Лигу Наций вызывают».

И не поехал. Ни туда, ни сюда.

А донцы, как на зло, не об'единились. Назначенный «представитель» и поименно и по всякому приглашал — ничего не вышло.

Сошлись Кутыринцы и опять же Кутырина выбрали. У него, говорят, деньги есть. Дает без отдачи...

Я не согласен с тем, что это «блажь» Нет.

Это преступление с заранее обдуманным намерением.

Граф, конечно, «бенкетувал». Филимонов речь гнул. «Выборы доказали, что казаки не самостийники!»

Правильно, ваше степенство.

Донцов заграницей около 18,000. За Граббе — 2.300. Из них три сотни — мертвых душ только из наших краев.

Здорово высчитано.

Но не на это, собственно, Филимонов зрит и напирает. Не это отметить хочет. «Донцы, говорит он, доказали, что можно и заграницей выборы произвести».

Ага!!

Другими словами, вот, мол, и нашу чучелу пе-

реизбрать не вредно бы было. И наверное сам эту чучелу заменить норовит.

Что-ж! По моему, у него вид подходящий.

Все, кто «представлялся Граббе, именовали его «сиятельством».

Все поголовно.

Жалкие подхалимы.

Итак:

— Тщетны россам все препоны. —

Наша старшина себя показала. Показали себя и «приписавшиеся»...

Пусть же впредь не обижаются!

И с ними стесняться не будем.

«Коемуждо по делом его».

По Божески!..

Казачья эмиграция

В. К. в Болгарии

ВЫНУЖДЕННАЯ ПОЛЕМИКА

Глубокоуважаемый, честный мой председатель, Павел Назарович!

Не хотелось бы мне вообще заполнять страницы журнала полемикой с Вами, но, как видно, для Вас это доставляет большое удовольствие.

В ответ на Ваше очередное возвание и выписку из газеты за 1922 г. мне хочется только спросить Вас: что, собственно, Вы хотите сказать? По всей вероятности, цель распространения подобной выписки — запятнать имя войскового старшины **Воротникова.** Насколько же Вы ничтожный человек! У Вас нет другого средства, да вероятно нет и иного занятия, как борьба со своими братьями, которые, несмотря на все Ваши погромы, протягивают руку для примирения и совместной работы.

Предположим, что это тот самый Воротников, имя которого фигурирует на страницах указанной Вами газеты. Зачем же Вы тогда издаете такие распоряжения, которые сами не в состоянии выполнить? (См. распоряжение № 8 от 10 мая 1935 г., пункт 5).

Я не собираюсь выступать в качестве защитника войск. старш. Воротникова, но хочу подчеркнуть только то, что даже если войск. старш. Воротников и присутствовал на том с'езде в качестве делегата (значит, его кто то туда посылал), то остается еще вопрос более важный, а именно: что же он там делал?

Вот если бы Вы, честный 100% не вольный казак, вкусили бы супа из полуразложившихся кишек, выволакивавшихся казаками из навоза скотобойни в окрестностях своих лагерей, и одной червивой галеты, — еще неизвестно, как поступили бы Вы и что бы Вы делали?

Если Вы ставите в укор казакам содеянное ими в прошлом, то разрешите и Вас спросить: зачем Вы свое предательство в 1919 году возвели в героизм?

Не те же ли обстоятельства заставили казаков и заграницей прибегнуть к отмежеванию их от опеки Врангеля, хотя и во вред самим себе?

Дальше Вы бросаете снова вызов по адресу Походного Атамана, указывая на беззаконие и т. д. Милейший мой законник! Скажите, пожалуйста, а кто Вас уполномачивал ехать на неизвестный с'езд неизвестных «окружных атаманов»?

Выходит, что если г. Кудинов выступает от имени 600 человек, его не посылавших, то это вполне законно, а если Походный Атаман дает место в печати для защиты правды, или для открытого высказывания вольными казаками своих мыслей, то это уже есть беззаконие.

Дальше Вы аппелируете к казачьей массе и, задыхаясь, кричите о помощи. Постараюсь и я Вам помочь и кричу во всю мочь своего голоса: Господа офицеры, урядники, старики и простые казаки! Выручайте своего избранника (а может и не избранника), потопающего в своей собственной лжи! Идите все месить его грязь и выливать ушаты помоев на своих же братьев!..

Жаль мне Вас, несчастный председатель неизвестно каких атаманов. Но как Вам действительно помочь и что я могу сделать?

Не так давно Вы горделиво (чувства скромности у Вас нет никакого) заявляли, что Бог Всевышний наделил Вас чувством любви и сострадательности, а в сущности — в Вас проснулся зверь. К Вам протягивали руки одиночки казаки, Вы оттолкнули их руку. Обратились к Вам организованные хутора, станицы и целые Округа, не поддавшиеся разложению. Вы так же оставили их висящими в воздухе. Что же Вы хотите? Хотите диктовать свою волю? Но сотни других, настоящих в. казаков, диктуют волю, обратную Вашей. Тогда остается что? Удовлетворять Ваши капризы или прислушиваться к голосу казачьей массы? Если бы и Вы на деле считались с казачьей волей, Вы не распространяли бы воззваний, заполненных самой наглой ложью.

Покамест пожелаю Вам в скором времени составить и распространить новую очередную ложь — скорее раскроются глаза у казаков и увидят они Вас такими, каков Вы есть на самом деле.

Ваш презренный райя **Н. Ковалев**

Лесковец, 29-X-35 г.

В. К. в Польше

П. АТАМАН В АВГУСТОВЕ.

4 августа с. г. наша ВК имени Атамана Назарова станица принимала у себя Походного Атамана ВК инж. **И. А. Билого.**

Рано утром, в 6 ч. 30 м. утра, станичное правление и с'ехавшиеся к тому времени станичники встретили своего гостя на вокзале. После казачьего приветствия, в. казаки пригласили П. Атамана в дом станичного атамана, где помещается канцелярия станицы. Здесь станица встретила Атамана хлебом-солью, который сердечно благодарил станичников за радушный прием. После этого станичное правление предложило гостю и приехавшим станичникам утренний завтрак, за которым началась оживленная беседа. И гость и станичники затрагивали самые разнообразные вопросы.

В полдень открылся официальный сбор станицы в присутствии Походного Атамана.

Открывая сбор, станичный атаман **Ф. Сафонов** предлагает прежде всего почтить память первого Маршала Польши, недавно скончавшегося **Иосифа Пилсудского,** портрет которого висит в помещении ст. правления рядом с портретом г. Президента Польской республики. — Казаки, говорит атаман, глубоко чтут память великого польского патриота, победителя большевиков и творца польской армии. Казаки никогда не забудут, что возрожденная Им Польша дала приют не одной сотне их, вынужденных покинуть свою страну, оккупированную красными завоевателями...

Стоя выслушивают казаки слово своего атамана, посвященное памяти покойного, после чего сохраняют еще минутное молчание.

— А теперь, говорит стан. атаман, провозглосим многие лета господину Президенту и всему польскому народу! — Дружным «нех жие»! отвечают казаки на слова атамана.

— Воздав должное народу, оказавшему нам гостеприимство, продолжает ст. Сафонов, обращаюсь к Походному Атаману, приветствую ныне Вас, глубокоуважаемый Игнат Архипович, от имени всей нашей ВК имени Атамана Назарова станицы и желаю Вам

АВГУСТОВСКАЯ СТАНИЦА 4 АВГУСТА

Сидятъ (слева направо): Андрей Громов, Феоктист Сафонов, П. Атаман И. А. Билый, Иван Мотарыгин, Степан Григоров, Иван Сосков. Впереди сидящих стоятъ на коленях братья Кузнецовы Николай и Федор. Стоят (слева направо): Егор Сафонов, Степан Пастухов, Николай Нехорошкин, Агап Любимов, Егор Кулишов, Иван Быстров, Сергей Буланов, Яков Колпиков, Георгий Рыбасов.

полного здравия и успеха в достижении поставленной Вами ВК цели — скорейшего воскресения Казачества, освобождения его из-под коммунистической оккупации создания об'единенного Казачьего самостоятельного государства — Казакии. Мы же, вольные казаки Назаровской станицы, долг свой перед Казачеством исполним, по примеру своего шефа, с честью.

Отвечая на это приветствие, Походный Атаман говорит о задачах своего приезда в Польшу. Первая из них, это, ознакомившись с жизнью вольных казаков, положить здесь начало правильной организации вольноказачьих сил. Атаман не скрывает причин прошлых неудач в этом отношении, говорит об обстоятельствах, срывавших до сих пор эту работу в Польше и выражает уверенность в том, что в ближайшее время удастся преодолеть некоторые трудности формального характера, удастся легализировать статут, общий для всех ВК организаций в Польше.

Дальше Атаман говорит о том, что ему уже пришлось видеть и слышать от в.казаков; говорит о своем посещении в. к. в Луцке и др. местах... Оказывается, подчеркивает Атаман, что еще и сейчас есть казаки, которые только теперь узнают о нашем движении. Говоря о казачьих настроениях, он отмечает, что подавляющее большинство казаков, даже из только что знакомящихся с ВК, настроены в его пользу, в пользу казачьей самостийности. Есть, конечно, как и везде, и такие, которые не интересуются ничем, есть небольшой процент и неделимцев, хотя лично, говорит Атаман, встречать таких ему не приходилось.

В заключение Атаман говорит о будущей организации у нас Округа после того, как будет проведена организация в.к. станиц, хуторов и куреней на местах на основании статута, который сейчас проводится. — Чем лучшая у нас будет организация, чем дружнее мы будем, чем меньше будет среди нас маловерных и чем активнее будет наш патриотизм, тем лучше мы встретим грядущие события, — кончает Атаман.

Внимательно выслушали казаки слова Атамана. После этого следует ряд вопросов.

Станичник **Сосков** спрашивает, когда же будет конец нашей эмиграции?

П. Атаман подровно отвечаетст. Соскову. — Суть этого ответа сводится к следующему:

Сейчас наших собственных сил недостаточно для единоборства с нашим врагом один на один. Значит, надо увеличивать свои силы и делать все для уменьшения сил противника... Увеличивать свои силы мы можем увеличением их на фронте внутреннем и союзами с теми, кто так же, как и Казачество, стонет под московским игом... Уменьшить силы противника могут, при некоторых обстоятельствах, и «внешние события», — надо нам только хорошо к ним подготовиться... Особенно подчеркивает Атаман роль своих собственных, казачьих, сил... Я, говорит он, сам участник государственного строительства Казачьих Земель в недавнем прошлом и беру на себя смелость заявить вам, что если и в будущем, как в прошлом, Казачество останется раз'единенным, если в ближайшем будущем каждое Войско будет думать только о себе, — все они проиграют наверняка, как проиграли недавно. Только об'единение всех Казачьих Войск в одну Казакию может сулить нам успех, может принести спасение Казачества в настоящем и обеспечит ему лучшее будущее. Чем дальше казаки будут от программы ВК, тем дальше они будут и от своей родины. Чем ближе и сильнее сплотятся около освободительного ВК знамени, тем ближе и скорее они будут к дому...

Станичник **Быстров,** с своей стороны, подчеркивает, что для всех нас должна быть только одна цель — освободить Казачество и создать свою Казакию...

Был затронут, конечно, и вопрос об оппозиционерах.

Отвечая на один из вопросов, П. Атаман рассказывает историю появления разных оппозиционеров.

Слушатели удивлялись, не могли понять, как это люди, об'являющие себя тоже вольными казаками, одновременно работают во вред ВК движению и доставляют тем радость врагам Казачества.

В конце концов, П. Атаман поставил собравшимся прямой вопрос: есть-ли среди слушателей сторонники опопозици? — Сначала никто не отозвался, но потом станичный атаман указал, что один из присутствующих, станичник Муругов, является сторонником оппозиции и было бы, поэтому, интересно, если бы он, пользуясь присутствием того, кого все время оппозиция «обвиняет», высказался открыто перед всей станицей.

С своей стороны, и П. Атаман предложил говорить начистоту, говорить все и откровенно.

После некоторого колебания, ст. Муругов ставит

вопрос о Центре: кто его выбирал и кто его уполномачивал вести дело?

Отвечая, П. Атаман говорит, что вначале Центра никто не выбирал и никто не уполномачивал, т. к. не было еще тех, кто мог бы выбирать, не было тех, кто мог бы уполномачивать. — Вообще, подчеркивает Атаман, ни одно национально освободительное движение (или революционное, или иное подобное) не начинается со с'ездов, с выборов или с полномочий. Находятся люди, которые берут на себя инициативу, предлагают программу и начинают работать. А дальше бывает по разному: или признают инициатора и становятся к нему в ряды, снабжая его тем самым «полномочиями», или собирают с'езды, выбирают, снабжают полномочиями и т. д. Как было у нас, Вы знаете, а что лучше — это вопрос спорный и каждый может иметь по нему свое собственное мнение.

Второй вопрос: почему был распуещн Малый Круг и кто его распустил?

Ответ: Малый Круг, говорит Атаман, собирал я. Я его и распустил. По моему, тот, кто собирает, тот может и распустить. А если Вы протестуете против такого роспуска, если говорите, что я не имел права этого делать, то почему Вы ничего не говорили, когда я созывал его, не спрашивая Вас? — Раз Вы тогда не протестовали, не оспаривали моего права собирать его, не можете оспаривать теперь и моего права распустить его.

Третий вопрос станичника Муругова: почему не созван с'езд (Большой Круг)?

П. Атаман подробно говорит о всех трудностях, стоявших на пути его созыва. Одну из этих трудностей, о которой все теперь знают, предолеть не удалось.

Покончив с вопросами ст. Муругова, Атаман предложил в. казакам не стесняться и ставить ему все вопросы, какие у кого есть. Станичники ответили, что они уже слышали все, что их интересовало, и остались слышанным весьма удовлетворены.

После этого станичный атаман об'являет сбор закрытым.

Там же, в доме ст. атамана, всем присуствующим была предложена скромная закуска.

За обеденным столом и рюмкой водки завязалась общая, более непринужденная беседа в дружной казачьей семье.

Присутствовали и вольные казачки, окруженные малыми казачатами.

Не обошлось, конечно, и без казачьей песни.

Полились воспоминания о прошлом. Вновь заговорило казачье сердце о казачьем будущем...

В общем, хорошо и дружно прошел день 4 августа в Августовской ВК имени Атамана Назарова станице. Остался доволен Походный Атаман, довольны остались и вольные казаки. Остались недовольны только те, кто хотел бы продолжать то же самое и на второй день....

Поздно вечером уехал П. Атаман из Августова, провожаемый в. казаками станицы и напуствуемый ими всяческими пожеланиями, среди которых на первом месте было пожелание скорейшего осуществления заветных казачьих целей, скорейшего зова «в дорогу»...

Прощаясь, П. Атаман благодарил станичников и особенно станичного атамана за дружную работу на пользу Казачества.

Атаман станицы: **Ф. Сафонов.**
Станичный казначей: **А. Громов.**

В. К. в Бельгии

ПРАЗДНИК ПОКРОВА В БРЮССЕЛЕ.

В предыдущем номере журнала было уже кратко отмечено о праздновании Всеказачьего праздника Покрова Пресвятыя Богородицы в Брюсселе.

По тем же причинам, что и другие В.-казачьи организации, и хутор вольных казаков в Бельгии в нынешнем году праздновал Всеказачий праздник (он же и наш хуторской праздник по уставу) не 14 октября, как бы следовало (и как будет на родной земле), а накануне — 13 октября.

Благодаря присутствию в этот день у нас Походного Атамана ВК инж. **И. А. Билого** и его супруги, Анны Алексеевны, этот великий для нас по своему значению и древности праздник в этом году был отмечен и обставлен вольными казаками особенно торжественно и остался надолго в памяти всех участников его.

После церковной службы, как уже сообщалось, к 12-ти часам дня все казаки хутора и гости собрались в особо приготовленном зале, где под развернутыми знаменами Казакии был приготовлен общий хуторской традиционный казачий обед.

Присутствовали: Походный Атаман и его супруга, хуторяне, украинцы, грузины и казаки, не состоящие в хуторе, но сочувствующие ВК идее.

Пригласив к столу, хуторской атаман есаул **Г. К. Рудаков** поздравил всех гостей и казаков с торжественным днем Всеказачьего праздника Покрова Пресвятыя Богородицы, об'яснил его историческое значение и то, почему именно этот день воскрешен в. казаками националистами и вновь об'явлен Всеказачьим праздником.

Обращаясь к гостям, атаман подчеркивает, что он весьма рад приветствовать в своей среде гостей, которых мы видим здесь не первый уже раз. «Не в первый раз, говорит атаман, делите вы с нами радость сегодняшнего дня — дня нашего национального праздника. Это, конечно, потому, что вы знаете, что организация наша имеет целью священную борьбу за долю и волю Казачью, за освобождение своей Казачьей Родины, за создание самостоятельного и независимого государства Казакии, за дружное, братское сожительство со своими соседями, доля которых одинакова ныне с долей нашей, и которые сами стремятся к тому же, к чему стремимся мы. Ваше уже не в первый раз присутствие среди нас говорит нам, казакам, что в данном случае мы видим у себя не просто гостей, а представителей наших соседей — друзей Казачества. Это позволяет нам надеяться, что Казачество, Украина и Кавказ достигнут своих заветных целей и будут процветать в будущем под Покровом Пресвятой Девы Марии.

Сегодня, продолжает атаман, наш хутор имеет особую честь видеть у себя особых гостей — Походного Атамана ВК, природного казака Кубанского Войска, инж. И. А. Билого и его уважаемую супругу... — Подчеркиваю: это он указал нам, уже много лет тому назад, Казачий шлях-дорогу, идя по которому, мы только и можем отыскать и освободить свою Родину. — От имени всего нашего хутора и, беру на себя эту смелость, от имени всех присутствующих я приветствую Вас как дорогого гостя, как виновника пробуждения нашего национального казачьего патриотизма, и выражаю Вам нашу признательность. Приветствую и поздравляю Вас, господин Атаман, с высокоторжественным днем Покрова Пресвятыя Богородицы и прошу Ее, нашу Покровительницу, укрепить Вас в силах и разуме на дороге, ведущей к возрождению нашей Казачьей Родины... (Аплодисменты).

Честь и уважение наше и Вашей супруге, Анне Алексеевне. Разрешите отметить эти наши чувства к ней поднесением скромного букета цветов от имени нашего хутора. (Аплодисменты).

Растроганная, А. А. Билая тепло благодарит станичников за оказанное ей внимание.

Отвечая на приветствие, Походный Атаман, с своей стороны, отмечает значение сегодняшнего дня. Каждый народ, говорит он, имеет свои праздники — и религиозные и национальные. Имело когда то их и Казачество. На первом месте стоял Всеказачий праздник Покрова. Но потом, когда оно вошло в состав Русского государства, это последнее, стирая постепенно все особенности Казачества, подгоняя его под один всероссийский аршин, работая усиленно над тем, чтобы Казачество забыло свое прошлое, свою историю, и поскорее обратилось бы в безличную «рус-

скую массу», — добралось и до казачьего праздника Покрова. В административном порядке вводятся новые «Войсковые» праздники, в конце концов совпадавшие с праздником русской полиции... Ныне мы, вольные казаки, поставившие себе яркую и определенную политическую цель возрождения и освобождения Казачества и создания Казакии, — раскапывая старую казачью историю, знакомя с ней казаков, — мы не можем не воскрешать в казачьей памяти того, что воскресить следует. В прошлом Казачества было много плохого и не меньше хорошего. Плохое надо знать, чтобы его второй раз не повторять. Хорошее надо знать еще лучше, т. к. оно указывает нам путь в будущее. Восстанавливая некоторое свое прошлое, мы не можем пройти и мимо религиозных традиций Казачества, особенно тех, какие приобрели характер национальный. Таким национально - религиозным днем у старого Казачества был день Покрова Пресвятыя Богородицы — Покровительницы его. Изгоняя русские нововведения, сдавая в русский архив и навязанный ему недавно праздник русской полиции, Казачество должно вернуться к своему собственному празднику, который мы, казачьи националисты, уже воскресили и сегодня празднуем.

Конец первого слова Атамана в. казаки покрывают аплодисментами и, встав, поют казачьи гимны.

Во время обеда первым из гостей берет слово представитель украинских комбатантов инж. **И. Цапко:**

Як представник Українських комбатантів, говоре він, маю за шану привітати вас, **Вільне Козацтво,** з нагоди вікового козацького свята.

Вільне Козацтво і нині, на чолі зі своїм Вождем п. інж. **Білим,** не схиляє своїх прапорів і йде далі до своєї мети, до осягнення своїх ідеалів — освячених лицарською кров'ю героїв, що полягли на полі чести, а тому вірю, що коли настане відповідна хвиля, сини України та земель Козацьких знайдуть спільну мову для спільної праці.

Вже не сміють повторитися сумні часи 1917-1919 років, коли нас били кожного з'окрема! Приязнь була і шляхи до порозумінь прокладені були вже в 1920 р. і то в першу чергу мусимо завдячувати тодішньому голові Кубанської міссії на Україні інж. Білому — нині Похідному Отаманові Вільного Козацтва, та Українському Командуванню. Хочу вірити, що і на далі з того шляху не зійдемо!

В цей день Пресвятої Покрови — козацької Матері — я є певний того, що і там, на далекій Батьківщині і на засланню є міліони душ, що сьогодня єднаються з нами, тут за кордоном, в спільній думці, в одному бажанню — відзискати своє право, свою волю і честь національну... (Аплодисменты).

Грузинский полковник **Цагуриа:**

Вольные казаки! начал он. От имени воинственного Кавказа и его героической красавицы Грузии, приветствую в вашем лице наших ближайших кунаков и братьев по оружию.

Надвигается девятый вал... Мы — накануне величайших событий. Красный зверь трепещет за свою подлую шкуру. Кремлевские убийцы, палач Сталин знает, что мы верны священным традициям наших предков и что мы за кровную месть... Кровь убиенных, замученных отцов и братьев, страдания по миру пущенных наших матерей, сестер и, детей, будут беспощадно отомщены...

Не будет пощады кровавым чекистам, этим бешеным псам московского империализма, не знающих сейчас пощады там...

Здесь, в эмиграции, умирающей Москвой брошен лозунг: «Россия в опасности! Ее защитительница — красная армия!» Милюковцы и младороссы бьют в набат и призывают на защиту империи Сталина. Ген. Деникин и русский в. князь Дмитрий Павлович публично зовут на поддержку красной армии и об'являютъ ее русской силой. Мы, кавказские патриоты, считаем красную армию вражеской силой — эти свирепые гунны нашего века топчут ногами землю наших предков, оскверняют наши святые иконы и расстреливают там наших мучеников. Путь Деникиных и младороссов — измена для детей Кавказа. Тем путем мы не пойдем. Мы пойдем путем своим собственным.

Россию ждет не раздел, а распад. Вместе с братской Украиной непобедимым Казачеством и воинственным Кавказом мы победим! Будем только помнить, что в единении сила!

Слушай, брат мой там: Москва должна быть изгнана с берегов Черного моря.

Вольный казак, помни кровавую месть!

Да здравствует наш братский союз!

Темпераментная речь грузинского полковника, руководившего восстанием в Грузии в 1924 году, еще больше подняла настроение присутствовавших, ответивших ему дружными аплодисментами.

Походный Атаман **И. А. Билый** говорит о ВК движении, о его целях и задачах и о той обстановке, в которой ему приходится работать сейчас и придется бороться в будущем. Атаман не скрывает трудностей, стоящих на нашем пути, не скрывает и казачьих ошибок в прошлом. Но, говоря об ошибках казачьих, не останавливается и перед тем, чтобы не коснуться ошибок соседей, особенно в той части их, какая касалась наших взаимоотношений. Но, подчеркивает Атаман, эти ошибки в прошлом составляют теперь нашу гарантию выигрыша в будущем. Ошибки свои мы все теперь знаем и не хотим повторять их. Все мы не были готовы в прошлом, а теперь, как раз усиленно готовимся... «Большой свет» не считался тогда с нами, а сейчас уже положение меняется настолько, что враг наш, еще недавно ставивший активные задачи по поджегу мирового пожара, сейчс сделался самым «миролюбивым» государством... А где друзья его? Настоящие, конечно, друзья? — В прошлом мы боролись раз'единенно и были разбиты по очереди. Сейчас все мы уже знаем, что только в нашем союзе против общего нашего врага наше спасение. Судьба ударила всех нас по голове для того, чтобы в будущем мы были умнее... История имеет свои законы. Народы возрождаются почти всегда после великих несчастий. То, что кругом нас делается, только подтверждает это. Возрождаемся и мы. И наш век расцвета — только впереди, — Наученные горьким опытом прошлого, будем смело смотреть в будущее, будем бороться за это будущее — оно наше... (Продолжительные аплодисменты).

Помощник хуторского атамана **Н. К. Боровлев** говорит:

Прежде всего, поздравляю всех здесь присутствующих с нашим хуторским и общеказачьим праздником Покрова Пресвятой Богородицы.

Теперь же скажу слово к дорогому нашему гостю Походному Атаману Вольного Казачества инж. Игнату Архиповичу Билому и к вам, братья казаки.

Нашему избраннику дай Бог сил и здоровья благополучно довести все зарубежное Казачество в свои родные Края! Дай Бог и нам всем того же, чтобы мы, казаки, под водительством своего Атамана достигли родных берегов многоводной Кубани, Тихого Дона, Бурного Терека и Яика.

Мы, казаки, вдохновляемые и воодушевляемые нашим апостолом казачьей правды, журналом «ВК», дали клятвенное обещание исполнить свой долг перед нашим многострадальным Казачеством, в русской неволе сущим. А раз мы поклялись, то должны нести на алтарь своего Отечества и все свои силы: моральные, материальные и физические. Да не окажется среди нас клятвопреступников, таких, каких мы видим в стане «русских казаков», вроде ген. Науменко, Филимонова, Абрамова и их присных. Деяния этих лиц уже зафиксированы. Казачьи пути для них отрезаны. Мы же, ставши на свой исторический путь, не можем сворачивать на чужой, так как опыт прошлого научил нас многому. За измену Казачеству — своему народу — никому не будет покоя ни в сей, ни в будущей жизни. Упаси нас, Господи, от этого!

Теперь я выпью чашу вина в честь пребывания среди нас в этот день дорогого гостя, нашего батька Атамана Игната Архиповича Билого!

Слава Казачеству! Слава Атаману!

(Долго несмолкаемые аплодисменты покрывают слово станичника Боровлева).

Станичник **С. С. Псарев** (куб.), доверенный хутора, говорит о том, что он готов положить последние силы и душу за дело ВК, но страшно жалеет, что не может сослужить сейчас более активную, более значительную роль, хотя и посвятил себя на служение казачьему освободительному движению. Станичника Псарева самого не удовлетворяет его сегодняшнее бессилие, он готов хоть сейчас умереть за ВК идею, но только не напрасно, а главное — хотел бы еще при жизни, хоть одним глазом увидеть осуществление ВК программы. Обращаясь к Атаманам, он просит ускорить наши действия, заклинает не сходить с раз и навсегда намеченного пути... «Доведите умереть в освобожденную, дорогую нашу Казакию», кончает он.

Простые слова простого казака, идущие из глубины сердца, растрогали всех присутствовавших, нагадивших говорившего бурей аплодисментов.

Хуторской атаман **Г. К. Рудаков,** отвечая на выступления станичника Псарева, еще раз подчеркивает серьезность и искренность исповедуемого нами Вольноказачьего **Верую...** В полном согласии со всеми, станичник Рудаков говорит, что суть нашего дела, конечно, не в красноречии и ораторском пафосе, а в нашей воле. Будем же уметь желать по настоящему. Будем просты и искренни в отношениях друг с другом. Проявим максимум своей энергии на собирание казачьих сил и в братской взаимной поддержке принесем эти силы в жертву на алтарь священной идеи освобождения наших Земель от поработителя — единственного смысла и цели нашей жизни... (Дружные аплодисменты).

Инж. **Д. Адріевський**, Голова Української національної ради в Бельгії:

В. Шановний Пане Похідний Отамане, дорогі Станичники!

Сьогорічне Козацьке Свято в Брюселі особливо важне тим, що вільні козаки Бельгії мають серед себе Походного Отамана. Вибір Отамана є ознакою, що вільноказачий рух організується. Військо без провідника і без прапору не є силою, не є організацією.

Велику заслугу має той, хто в критичний для Козацтва момент з'умів підняти козачу хоругов і вказати путь, яким воно повинно піти. Ту заслугу має пан інженір Білий. Він в своїм журналі оформив ідею козацької самостійности. Багато вже років тримає він козацьку хоругов, не вважаючи на всі труднощі і наскоки ворогів Козацтва. І тому цілком натурально, що коли шляхом внутрішньої організації вільнокозацького руху прийшло до вибору Похідного Отамана, ваш вибір впав на редактора Білого. Він дає найбільш гарантій що виведе вас, козацьких емігрантів, з чужин на ваші рідні землі.

Промовляю до вас, як ваш давній приятель, як людина, що віддавна стежить за вашим рухом і бажає йому успіху. Промовляю до вас по українськи тому, що добре знаю про склад Козацтва. Значна частина його є рідна нам, українам, по крові. Отже між вами українська мова має повні права горожанства. Вона повинна тут бути пошанована як з цієї причини, так і з причини, що то є мова вашого найблизчого сусіда і союзника. Але хочу сказати кілька слів також і в мові Козаків, які є иншої крові, в мові Донців, Терців і инших.

Как ваш давний приятель, я знаю и сильные и слабые стороны вольноказачьего движения. Разрешите мне коснуться этих последних. Не для того, чтобы бередить свежие раны, но чтобы помочь вам советом и опытом.

Среди казаков есть различные движения. Меня интересуют только те, которые исповедуют идею казачьей независимости. Только они достойны названия казачьих, прочие же далеки духу, интересам, прошлому и будущему ваших Краев. Но и среди самостийников есть разногласия, существуют оппозиции. Не у одного из вас может зародиться сомнение в успехе вашего дела при наличии этих разногласий.

Учитывая настоящее положение вещей, говорю вам: не отчаивайтесь. Знайте, что подобные разногласия имеются везде и они неизбежны. Больше того, не в трудные ли времена внутренней борьбы очень часто народы совершают величайшие подвиги и создают империи? Вспомните «Смутное время», которое породило Российское государство. Аналогично, Галицко-Волынское княжество. Это второе государственное образование Украинского народа, сложилось в условиях «Великого Мятежа».

Подобные исторические явления об'ясняются очень просто. Именно не среди спокойствия и благополучия народы творят большие дела, но чаще в условиях внутреннего напряжения, раскаленных до бела страстей, внутренней и внешней борьбы. Борьба является основным законом жизни. Этот закон действителен и для жизни политической. Здесь побеждает и дает толчок вперед и к успеху всему народу тот или те, кто обладает большей силой духа и воли.

В вашей казачьей действительности победа принадлежит Вольноказачьему движению. Только оно имеет моральную силу говорить от имени Казачьих Краев, от имени прошлого казаков. Присоедините к этой силе волевое напряжение.

Здесь говорилось о природных союзниках казаков, в частности об Украине, вспоминались ошибки их. Не хочу говорить об ошибках казачьей политики. Хочу лишь уверить вас, что мы, украинцы, старых ошибок не повторим. Постарайтесь и вы их больше не делать. Разрешите же мне пожелать, чтобы союз Казаков с Украинцами не оставался праздной фразой, но перешел в дело уже теперь, в нашей теперешней работе и деятельности. (Продолжительные аплодисменты).

Походный Атаман, говоря об условиях жизненности и активности организаций, подчеркивает значение вожаков, значение тех, кто умеет работать и возглавлять. Выражая свое удовлетворение жизненностью и организованностью хутора, Атаман видит в этом заслугу прежде всего хуторского атамана есаула Г. К. Рудакова. П. Атаман уверен, что хутор под его руководством с честью выполнит стоящие перед ним в Бельгии задачи и предлагает хуторянам выпить за здоровье их атамана. (Дружные, продолжительные аплодисменты).

Н. К. Боровлев просит слово и просит присутствующих отдать дань внимания и находящейся в нашей среде атаманше. — Предложенный за ее здоровье тост в. казаки и гости покрывают бурными аплодисментами.

Говорил еще раз полк. **Цагурия**, говорил его брат инж. **Цагурия,** декламировал (к великому удовольствию всех присутствующих) очень много стихотворений казачьих поэтов (из журнала «ВК») **Н. К. Боровлев...**

В дружеской беседе провели казаки и их гости остаток дня, забыв один раз лишения и тяжести эмигрантской жизни.

Лилась, конечно, и песня: казачья, украинская, кавказская...

Много — со всеми вместе и с каждым почти казаком в отдельности — говорил Походный Атаман, отвечая на вопросы или сам задавая их станичникам.

Последнее — прощальное — слово Атамана было сказано им уже только в тесном кругу хуторян.

Видно было, что все, и гости и казаки, остались довольны праздником, довольны встречей с Походным Атаманом.

Разошлись и раз'ехались — с укрепленной верой в правоту своего дела и с надеждой на его осуществление.

Слава Казачеству!

(Соб. кор.)

В. К. во Франции

ПО ВК ОКРУГУ

1. Исключаю из списков Округа В. К. казака В. Н. Федосеева (К. В.) как выбывшего в Юго-Славию, с 1-X с г.

2. Зачисляю в списки Округа В. К. казаков: А.

П. Жданова (К. В.) с 1-7 с. г., М. Ассерецкова (В. В. Д.), С. Полякова (В. В. Д.), Ф. Карманского (К, В.), Т. Гейкина (ВВД), М. Калинина (ВВД), В. Сорокина (ВВД), И. Веретенникова (ТВ), Ф. Платонова (ВВД), П. Сметанкина (ВВД), Н. Севастьянова (ВВД). — с 15-9 с. г.

3. Утверждаю и зачисляю в списки Округа В. К. вольно-казачий хутор имени ген. Т. Старикова в г. Ромба.

4. Приближается день 8-летней годовщины существования нашего журнала «Вольное Казачество», первый номер коего вышел 10-го декабря 1927 года. Что сделал журнал для поднятия и развития казачьего национального движения, нам известно и свое мнение вольные казаки выразят в день 10-го декабря, повсеместно собравшись единой в. казачьей семьей.

Окружной Атаман **А. Ленивов**

ПРАЗДНИК ПОКРОВА В ОШЕ.

Ошская Вольно-казачья имени Атамана Некрасова станица 20 октября отметила день древне-казачьего войскового праздника — Покрова Пресвятыя Богородицы — общим собранием и торжественным богослужением.

Была отслужена панихида по всем Атаманам и казакам, замученным и в смуте живот свой положившим за счастье казачьего народа, а потом — благодарственный молебен с провозглашением много летий о здравии и благополучии Походного Атамана, Окружных Атаманов и всех казаков под русским красным игом и в рассеянии сущих.

После службы Станичное правление пригласило всех присутствующих на традиционную трапезу.

Перед началом трапезы атаман станицы **Ильинов** в кратких чертах ознакомил присутствующих о значении для казачества праздника Покрова Пресвятыя Богородицы.

Священник, благословив хлеб-соль, произнес прочуствованное слово, поблагодарив атамана и всех казаков за то, что и здесь, в изгнании, они не забывают свою казачью традицию, что и здесь как и встарь наши предки, мы празднуем день Покрова. Казачество всегда начинало свое благое дело с Божьим словом. Если все Казачество и в будущем будет жить такой казачьей сплоченной семьей, как здесь в Оше, то несомненно оно возродится и вернется в свои освобожденные Края.

Ив. Хрипушин (гость из Тулузы) напомнил о происхождении праздника Покрова, коснувшись давних времен, 948 года, когда наши прапраотцы, азово-черноморское казачество, осаждало столицу Византийского Царства, Цариград, напомнил и о том, что в 1830 году эта многовековая казачья традиция была нарушена царем Николаем I-м, который ввел свое особое положение в казачью жизнь. Войсковой праздник перенес на 30-е августа, в день тезоименитства своего сына Александра, назначив его Атаманом всех казачьих Войск, а в 1905 году, Войсковой праздник был перенесен снова на 5 октября, на день тезоименитства Наследника Алексея. Очевидно, Николай II-й умышленно приурочил этот праздник к 5-му октября и совместил его с праздником царской полиции.

Так, братья казаки! все мы, слепо следуя за своими бывшими Атаманами до 1927 года, праздновали не древний казачьий праздник, а праздник русской полиции. Но нашлись среди Казачества патриоты, националисты казаки, которым казачьий народ дороже земных благ и их жизни. Эти патриоты в 1927 году выпустили в свет журнал «В. К.», в котором оповестили о всем прошлом Казачества, дали правдивую казачью историю, обрисовали казачью трагедию и указали нам истинный путь — путь освобождения и возрождения Казачества в тесном общекаачьем союзе, в казачьем Государстве — Казакии. На этот путь мы уже с Вами стали и сегодня празднуем отнятый у нас русскими царями и восстановленный нашими вождями националистами древне-казачий праздник Покрова. С этого пути мы уже не сойдем — или умрем, или победим.

А чтобы победить и Казачеству возродиться, нам нужно тесно сомкнуть свои ряды около избранного казачьего вождя, Походного Атамана инж. Билого, и под его водительством войти в союз с нашими соседями: Украиной, Грузией, Кавказскими народами и единым фронтом сбросить позорные цепи рабства.

В честь восстановления Войскового праздника, Покрова Пресвятыя Богородицы, за Атамана В. К. инж. Билого, за Окружн. Атаманов: Ленивова, Полякова и за все вольное, славное, издревле гордое Казачество подымаю бокал вина и пью его до дна...

Слава им! Слава казачеству!

Моисеенко (Укринец) говорит, что, как Украинец, вполне присоединяется к слову пана Хрипушина, чтобы создать единый фронт народов, стремящихся к освобождению от опеки москалив. Без единого фронта мы, каждый в отдельности, не освободимся, нас Московия разобьет и наши края опять сделает своей колонией...

..**Инженер Усатов, казаки Строгонов и Мухоедов** призывали казаков твердо стоять на национально-казачьей дороге, энергично проводить идею возрождения Казачества и создания казачьего самостоятельного Государства.

После тостов полились казачьи песни, напоминавшие славу и доблесть казачью. Только поздним вечером закончили казаки праздник лихими танцами и разошлись все одушевленные единой мыслью, единым духом и намерением сохранить навсегда свою твердо сплоченную казачью семью.

Соб. кор.

В. К. в Югославии

ПРАЗДНИК ПОКРОВА В КРАЛЬЕВО.

Вольные казаки станицы имени Кошевого Атамана Петра Кальнишевского в Кральево в канун казачьего праздника — Покрова Пресвятыя Богородицы — отправились в местную церковь помолиться Небесной Покровительнице. Молебен служил местный сербский протоиерей, который после молебна поздравил казаков с праздником и выразил им свое удовлетворение — удовлетворение пастыря — тем, что казаки и на чужбине не забывают христианского долга — молиться своей Заступнице перед Всевышним.

После церковной службы все отправились в дом помощника станичного атамана Г. Абрамцова, где заботами казачек был накрыт стол для общего обеда. Комната, где происходил обед, была декорирована. На стене висел герб Казакии, а по обе стороны трехцветный казачий флаг. Ниже герба, по правую сторону был портрет короля Петра II-го, украшенный югославянским флагом. По левую сторону — портрет нашего Походного Атамана, украшенный трехцветными лентами и флагами. Перед тем, как приступить к обеду, были спеты казачьи гимны.

За обедом отдались воспоминаниям о близких и дорогих, оставшихся там, в Родном Краю. Много раз вспоминали Походного Атамана, вспоминали окружных атаманов, с пожеланаиями им сил и здоровья, с пожеланиями выполнить миссию избавления Казачества от рабства, возложенную на них историей.

Празднование старинного казачьего праздника решили запечатлеть на фотографии, чтобы оставить у себя память того дня, когда казачье сознание возвратилось на старинный путь.

Давно не было в Кральево такого праздника, который обратил внимание не только казаков, стоящих еще на распутьи или идущих за русскими «вождями», но и местных жителей. Многие приходили и поздравляли казаков с их «славой» (праздником). Один пришедший поздравить казаков с праздником черногорец даже высказал претензию, что его не оповестили о празднике, т. к. он хотел бы провести этот день с казаками.

Время летело незаметно. Одна песня сменялась другой. Танец сменялся танцем и только поздно вечером разошлись казаки.

Утром уже знали все казаки, проживающие в

Кральево, о той обстановке, в которой вольные казаки провели праздник. Знали и местные жители, которые пришли к казачке Абрамцевой (жене помощника атамана), принесли ей поздравления с праздником. Большое моральное удовлетворение чувствуют вольные казаки и желают своему Походному Атаману, окружным атаманам и всем вольным казакам скорее вернуться к родным берегам, чтобы там праздновать этот праздник в будущем еще лучше.

Е. Кривец.

Кральевская ВК имени Кошевого Атамана Петра Кальнишевскаго станица в днь праздника Покрова.

В БОРЕ

Борская В. К. имени Н. С. Рябовола станица, старинный общеказачий праздник Покрова Пресвятыя Богородицы отметила богослужением в местной православной церкви и специальным станичным сбором. Вначале была отслужена панихида по всем казакам, жизнь свою отдавшим за Свободу Казачьего Народа, а затем молебен о спасении Казачьего Отечества — Казакии, о здравии и благополучии Походного Атамана В. К. и всех казаков в разсеянии и на родине сущих.

Станичный сбор прошел в обмене мнений по казачьему национальному вопросу.

С августа по октябрь с. г. Борская станица устроила целый ряд станичных и публичных собраний, на которых атаман станицы **И. М. Черкашин** делал доклады по журналу «ВК-ВК». После чтения присутствовавшие обменивались мнениями. Все сборы прошли с полным успехом.

(Соб. кор.)

ПРАЗДНИК ПОКРОВА В СМЕДЕРЕВО

Смедеровская В. К. станица праздновала свой казачий праздник Покрова Пресв. Богородицы. Ввиду того, что в этот день, 14 октября, все фабрики работали, где работает большинство казаков, решено было праздновать в воскресенье 13 октября. Утром, в 9 часов, к литургии в старой православной сербской церкви собралось много казаков. Небольшая старинная церковь наполнилась казаками. После литургии был отслужен молебен о здравии и многолетии «казачьего атамана Игнатия, его сотрудников и всех казаков».

После молебствия все казаки собрались в помещении станичного правления, где стараниями помощников: В. Клименко А. Семенцова и доверенного станицы С. Реп'яха была приготовлен скромная закуска.

После фотографирования станичный атаман **И. П. Сурмач** пригласил всех занять места.

В первой речи станичный атаман приветствует всех с праздником и предлагает тост за нашего Походного Атамана И. А. Билого. Дружное Слава!... заглушает последние слова говорящего.

Дальше станичный атаман подробно говорит о казачьем празднике Покрова Пресв. Богородицы. Праздник Покрова почитался казаками еще в старые времена. Еще в 1380 году Донцы, сражаясь на Куликовом Поле, имели образ Покрова Пресв. Богородицы. В 1641 году, когда Донцы защищали Азов от турок (так называемое Азовское сидение) они одержали победу под праздник Покрова и после этого счастливого события день Покрова стали почитать с наибольшим торжеством...

Запорожцы почитали Покров со дня основания сичи. Посреди сичи была построена церковь во имя Покрова Пресв. Богородицы, в которой находилась большая икона Покрова Богородицы. На церковь жертвовались самые дорогие богатства. Запорожье торжественно праздновало свой праздник. Сич несколько раз меняла свое местоположение, но и на новых местах Запорожцы всегда строили церковь во имя Покрова. Неоднократно русские разоряли Сич, не щадя и церкви. Так, в 1704 году русские, разорившиши Сич, сожгли и церковь. Екатерина II приказала окончательно уничтожить Сич и «ликвидировать» Запорожское Казачество. Русские ворвались в Сич и «шатнулись по курінях добычу шукати, а московські генерали церкву грабувати», говорится в песне. Часть Запорожцев ушла на Дунай в Турцию, унеся с собой и икону Покрова. В 1792 году остатки запорожцев перешли на Кубань. Здесь они устроились, по образцу Сичи, в Карасунском куте, основав станицу Екатеринодарскую. По-среди новой Сичи была построена церковь во имя Покрова Пресв. Богородицы.

Праздник Покрова, празднуемый Донцами и Запорожцами, как бы связывал эти два Войска.

Но в царствовании Николая I, когда атаманом «всех казачьих Войск» был назначен престолонаследник, день войскового праздника начал меняться. Сперва праздновали Александра Невского, 30 августа, потом Св. Николая 6 декабря и, наконец, 5 октября в день Св. Алексея. Хотя праздник Покрова, казалось, и утратилъ свое былое значение, но в массе казачьей

он праздновался больше других двунадесятых праздников...

Россия старалась укротить казачью волю и сделать казаков русскими. Но за казачью волю и славу погибали лучшие сыны Казачества, сотни и тысячи казаков... Умер в неволе кошевой Калнишевский, пробыв в заточении 25 лет; погибли Булавин, Пугачев, Разин и много др. В наши дни враг кощунственно и подло убил Рябовола; обманув казаков, злодейски расправился с Кулабуховым. Но, как бы враг ни силился уничтожить Казачество, как бы не издевался над ним, он мог убить тело, но души казачьей никогда. Казачество всегда боролось и будет бороться до конца за свою волю и честь казачью... «Умрут одни, на смену им придут другие»...

Так, в 1927 году группа казаков с Игнатом Арх. Билым, высоко подняв казачье знамя, стряхнув с него московскую пыль, стала звать казаков на защиту воли и чести казачьей, на защиту поруганных прав Казачества, указывая казакам путь к спасению. Этот путь и есть В. К. шлях-дороженька. Стоит это большого труда и терпения, так как и теперь, как и раньше, борьбу приходится вести не только с давними врагами Казачества, но и со своими казаками-Иудами. Но восьмилетняя работа В. К. показала, что «есть еще порох в пороховницах, не гнутся еще казаки». Сегодня мы видим В. К. хорошо организованным и сплоченным во главе с нашим Походным Атаманом, нами же избранным.

Будем молиться Пресвятой Богородице, да будет Она нам и нашему Походному Атаману Заступницей и Покровительницей и, чтобы нам под Ее Святым Покровом скорее дойти к намеченной цели, закончил атаман свое слово.

На глазах казаков заметны были слезы.

Затем говорит станичник **Я. Негреев:** Станичники! Станичный атаман уже сказал о значении праздника Покрова. Как видно, наши предки глубоко почитали этот день и считали его наибольшим праздником. Наши деды и прадеды боролись всегда за казачью волю и честь. Но, враг оказался сильнее и ему удалось подчинить себе Казачество и распоряжаться им, назначать даже праздники, как, например, праздник 18 октября (5 октября ст. ст.), который был всего лишь праздником русской полиции. Теперь этого мы не должны допустить, чтобы нами управлял кто-то. Да здравствует наш Походный Атаман! Он правильно поступает, как это сказал болгарин Стамболийский: «Чтобы сделать что либо серьезное, делай сам, никого не посылай».

Походный Атаман, видя что в Болгарском Округе не ладно, поехал сам туда и сделал то, что нужно. А что касается оппозиции, то, как мы сами видим, грош ей цена. Я верю только нашему Походному Атаману... Слава ему!..

Слава!.. последовал дружный ответ.

Потом станичник **Лук'янцев,** приветствуя всех с праздником, поднимает тост за нашего Батька — Походного Атамана.

Говорит станичник **Гнилозуб:** Станичники! Я, как член Окружного правления, от имени Окружного атамана поздравляю вас с праздником Покрова. Этот праздник наши предки считали казачьим праздником и всегда, в доброе и в лихое время, почитали его. И мы, по их примеру, будем просить Покров Пресв. Богородицы, чтобы Она спасла нас и привела в родную Казакию...

Затем станичник **В. Фомин,** каз. В. В. Донского, обращается ко всем со словом: Дорогие станичники! Я рад сегодняшнему дню. Мы все собрались во-едино провести праздник Покрова Пресвятыя Богородицы. Нам, станичники, нечего сомневаться. Мы, казаки, богаты историей наших предков, — стоит только следовать их примеру. А кто еще не с нами, тот должен поспешить к нам, в свою родную казачью среду... Станичник **Захаров:** Мы должны строго следить за мировыми событиями и разбираться во всем и никуда в чужие дела не вмешиваться, а свои казачьи силы нужно беречь для Казачества, ибо они будут еще нужны...

Затем станичный атаман предлагает выпить за здоровье Окружного Атамана **П. С. Полякова** и его сотрудников, сумевших в тяжелой обстановке и при трудной работе поставить Округ на высоту, а также за всех атаманов и всех вольных казаков...

Дружное Слава! было ответом.

Завязалась дружная беседа. Каждому хотелось высказать перед своими соратниками все, что накопилось у кого на казачьей, измученной тяжелыми условиями жизни, душе.

С чистым сердцем и открытой душой праздновали казаки свой казачий стародавний праздник Покрова Пресв. Богородицы, почитая Небесную Покровительницу Казачества, и с твердой верой в светлое будущее Казачества под Ее Святым Покровом разошлись они по домам.

Слава Казачеству!

Сообщил **И. С. Кошкодаев**

В. К. в Румынии

ИЗ ЖИЗНИ ВОЛЬНЫХ КАЗАКОВ В РУМЫНИИ

Как уже известно, в Бухаресте вот уже несколько лет существует станица вольных казаков, как легальная Вольно-Казачья организация в Румынии.

За время своего существования станица не мало сделала пользы для В. К. и казачьей эмиграции вообще. Станица об'единила все живые национально мыслящие силы в Румынии и не дала им раствориться в окружающей чужой среде...

Благодаря станице возникли сначала вольноказачьи группы, а позже — хутора в провинции Румынии.

Живя в большом столичном городе, казаки (по месту работы и жительства) разбросаны небольшими группами по всему Бухаресту и его окраинам и не могут, поэтому, иметь всегда живую связь с правлением станицы. Для устранения этого недостатка станица разбита на районы. Каждый район имеет своего выборного представителя, который и держит постоянную связь с правлением станицы и осведомляет свой район.

Согласно устава станицы, в исключительных случаях, дела, подлежащие решению станичного сбора, решаются на соединенном заседании правления с представителями районов станицы. Станица крепко спаяна в вольно-казачью семью и твердо держит заветы своих предков — казаков националистов — и хранит свое национальное казачье лицо.

Помещение правления станицы, со дня своего существования, находится в собственном доме помощника атам. **Я. Дулимова.** Заслуживает быть отмеченной жертвенность Якова Кондратьевича Дулимова, бесплатно предоставившего правлению большой залы второго этажа своего дома. В помещении правления находится небольшая библиотека, которой заведывает главный писарь **В. Ф. Дремачев;** он же ведет и журнал (историю) станицы. На стенах залы правления висят вольно-казачьи эмблемы, портрет короля Румынии, портреты выдающихся вольно-казачьих деятелей и большой портрет Походного Атамана. Станица входит в церковный приход румынской церкви и все церковные требы отправляются румынским священником о. Василием. Существует станичный хор, под управлением **А. Д. Галкина.**

Союза вольных казачек в Румынии, по примеру других стран, пока еще нет. Существует в Бухаресте вольно-казачий дамский кружок, но он еще не вполне оформлен и поэтому деятельность его пока еще слаба. Но все же заслуживают быть отмеченными, как активные вольные казачки: **С. А. Пономарева, З. Д. Галкина, М. В. Ришкина, Л. М. Дулимова, О. И. Дремачева, Е. Т. Кабанова.**

С недавнего времени стали интересоваться вольно-

Imp. « Coopérative Etoile », 18 et 20, rue du Faub. du Temple, Paris (XIe). La Gérante: A. Laizé.

казачьим вопросом две донские казачки (мать и дочь). Дочь, как чиновница в большом английском предприятии, владеющая несколькими иностранными языками, могла бы быть очень полезной дамскому кружку, а также и всему вольно-казачьему делу. Влияние русской школы дома и чужой среды в эмиграции должно уступить, в конце концов, место своему родному, казачьему. Хочется верить, что казачка, вооруженная знаниями, придет на помощь своим сестрам, таких знаний неимеющим, и тогда лишь здесь может быть настоящий союз вольных казачек.

Кроме станицы в.- к. в Бухаресте, есть хутора в провинции, которые (за исключением одного) входят в состав станицы и исполняют ее директивы.

Станица с хуторами принимала самое активное участие в выборах Походного Атамана (жур. «ВК— № 177).

Правление станицы фактически несет функции окружного правления. Но, согласно организационного статута ВК, не может официально называться окружным правлением. Если позволит обстановка (разрешение румынских властей) и последует разрешение Походного Атамана ВК, будет созван окружной с'езд, который оформит Округ официально. Пока же вещи называются своими именами.

Говоря о вольно-казачьих хуторах, уместно будет отметить энергичную деятельность хуторских атаманов: **А. Чекунова, А. Алферова, Т. Валуйскова, Ф. Земцова и б. атамана А. Бабкова** (он же и представитель журн. «ВК»). Новоизбранному атаману **И. Сметанкину** пожелаем плодотворной работы.

В 13 октября исполнилось 6 месяцев со дня смерти члена ревизионной комиссии станицы **В. Н. Кабанова.** Покойный — донской казак ст. Акишевской, Хоперского округа. 38 лет от роду. Умер 16 апреля 1935 года в Буаресте. Похоронен на православном кладбище «Маркута». В. Н. Кабанов был активным вольным казаком. До образования станицы был в первых рядах вольноказачьей группы (организованной тогда нынешним атаманом **С. Маргушиным**). Позже принимал деятельное участие по сбору средств на вольно-казачий С'езд (председателем комиссии был **А. Солдатов**). По образовании станицы был избран в ревизионную комиссию.

В воскресенье, 13 октября, в 12 часов дня была отслужена на могиле покойного панихида и освящен поставленный ему цементный памятник, построенный по плану мастера-конструктора, донского казака **Я. Дулимова** (помощника атамана). На панихиде присутствовали — правление станицы, много казаков, друзей и знакомых покойного. По окончании панихиды, в правлении станицы был поминальный обед.

Заслуживает быть отмеченой большая материальная жертвенность **Е. Т. Кабановой** на устройство памятника и помин своего мужа. Заслуживает особого внимания госпожа **Л. Дулимова** (жена пом. атамана) за предоставление пользования кухней и посудой на сорок с лишком персон.

В виду того, что день Покрова Пресвятыя Богородицы пришелся в рабочий по здешнему день, в понедельник, вольными казаками в Бухаресте был отпразднован он в воскресенье вечером. После молебна вольные казаки собрались в правлении, где был сервирован стол. Атаман станицы **С. М. Маргушин** произнес краткую речь о значении праздника Покрова Пресвятыя Богородицы, как древнейшего Всеказачьего праздника, который русское правительство заменило постепенно войсковым праздником 5 октября, т. е. днем праздника русской полиции. Поздравляя вольных казаков с праздником, атаман провозгласил первый тост за здоровье Походного Атамана ВК. Дружное ура было ответом на тост.

Станичный хор, под управлением **А. Галкина** исполнил несколько казачьих, румынских и украинских песен и одну «нашу» волноказачью «Родному Дону» (из журн. «ВК» Сергея Маргушина) — музыка Михаила **Рышкина.**

Следует отметить энергичную деятельность станичного доверенного и предст. района **Н. Н. Воробьева** и точное им исполнение возложенных на него правлением обязанностей, в связи с устройством праздника.

(Соб. кор).

В Граббевском лагере

Ни для кого не секрет, что одну из главных ролей в возведении гр. Граббе на пост зарубежного Донского Атамана сыграла «Лига Возрождения Казачества».

Но кажется, что в самой «Лиге» в этом вопросе не все в порядке. Заметно это и по теперешнему органу ее — «Дневник казака» № 4 — сентябрь-октябрь 1935, из которого узнаем, что сам создатель «Лиги» и возглавитель ее Г. И. Карев вышел уже из ее состава. Более интересно расхождение между первыми и последними страницами самого «Дневника». В передовой, приветствующей «избрание» гр. Граббе читаем:

...«Дай Бог ему (Граббе) сил и здоровья, а главное мудрости в исполнении той необычайно широкой обязанности, которая выпала на его долю, а мы верим, что его, во всех его начинаниях, поддержат не только родные ему Донцы, но и все Казачество в целом»... И лиговцы думают, что под водительством Граббе «Донцы должны сделать усилие воли и двинуться на пути национального строительства дальше уже здесь заграницей и подвинуть к тому же все Казачество»...

— Таковы мечты (а может быть просто сны), на первой странице, а вот какой кусочек действительности можно узнать на последней странице того же номера «Дневника». Вот что там читаем:

«20 октября с. г. Донцы и Кубанцы в Бианкуре (пригород Парижа), в ресторане Волкова (русскій. Ред.), праздновали свой войсковой праздник. Присутствовали: Донской Атаман гр. М. Н. Граббе и представитель Куб. войск. Атамана ген. Н. И. Малышенко. Устройство праздника в пригороде Парижа, а не в самом Париже, произвело на казаков неблагоприятное впечатление... Вина — «Делового Бюро» («Правительство» при Граббе. Ред.), которое не учло настроения казачьей массы, главным образом донцов. Речи представителей казачьей старшины, как и самого Атамана, носили общий характер. (По сколько мы осведомлены, говорить простым казакам там не пришлось. Ред.). Все злоупотребляли словом Родина... Ген. Алпатов. был встречен свистом, шумом и криком. На этом инциденте Атаман предпочел прекратить дальнейшие выступления ораторов. После этого праздник сразу как то померк. Не лишено было интереса выступление гвардейцев в лице ген. Грекова, (который) сказал, что казаки за 15-летнее пребывание заграницей набрались вредных идей, которым должен быть положен конец, и что казаки могут изучать всякого рода политические брошюры, но заниматься политикой не их дело... — Донской Атаман... много говорил о создании станицы, что вызывало неудовольствие среди... тех казаков, которые уже в течении десятка лет организованы, спаяны и, что самое главное, всегда были лояльны к распоряжениям всех Атаманов»...

— Так сумел гр. Граббе изменить настроения некоторых своих сторонников за то небольшое время, какое нужно было, чтобы от первых страниц небольшого «Дневника» перейти к последним.

Но, научит ли это чему нибудь авторов «Дневника», это мы увидим после.

Розыск:

Розыскиваю станичников — казаков ст. Роговской: Николая Петровича **Пивня**, Степана Петр. **Пивня** и Карпа Яковл. **Кулика.**

Мой адрес: Ефим Кузьмич **Кривец,** до хотел Задужбина, Кральево, Югославия.

Продолжается подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический

ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО – ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО

выходит 10 и 25 числа каждого месяца

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
Во Франции	30 фр.	60 фр.	3 фр.
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	100 лей	200 лей	10 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0.50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	4 долл.	0.20 долл.

За перемену адреса следует присылать: во Франции 1 почтовую марку за 90 с., из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: **M. I. Bilyi, 10, rue Victorien Sardou — Paris (16)**

Imp. « Coopérative Etoile », 18 et 20, rue du Faub. du Temple (XIe). La Gérante : **A. Laizé.**